

*«Каждая сыгранная нота» захватит вас  
и перевернет вам душу.*

*The Boston Globe*

# ЛАЙЗА ДЖЕНОВА

## Каждая сыгранная нота

*От известного невролога и автора бестселлера  
«Всё ещё Элис» — глубокое исследование,  
посвященное сожалению, прощению, свободе  
и осознанию того, что значит быть живым.*

*Amazon.com*

Лайза Дженова

**Каждая сыгранная нота**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

**Дженова Л.**

Каждая сыгранная нота / Л. Дженова — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-19601-8

Встретившись однажды, они не могли пройти мимо друг друга. Молодые, красивые, талантливые и мечтающие о славе. Но два ярких дарования – не слишком ли много для одной семьи? Он становится знаменитым концертирующим пианистом, она же не известна никому, кроме своих учеников, и не интересна ни мужу, ни бывшим коллегам-джазменам, ни даже самой себе... На этой грустной ноте можно было бы закончить историю – да и что в ней особенного? В мире искусства часто разбиваются сердца и рушатся семьи; после шквала взаимных обид и обвинений распался и этот союз. Ричарда ждут на лучших концертных площадках мира, как вдруг... его амбициозные планы рушатся, а устоявшаяся обеспеченная жизнь начинает рассыпаться как карточный домик. Он узнает о том, что неизлечимо болен, пытается смириться с этой мыслью, и тут в момент острого отчаяния на пороге появляется бывшая жена. Что изменит эта встреча, если изменить уже ничего нельзя?.. Впервые на русском!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19601-8

© Дженова Л., 2018

© Азбука-Аттикус, 2018

# Содержание

Пролог	6
Спустя год	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	35
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

# Лайза Дженова

## Каждая сыгранная нота

*Моим родителям*

*Светлой памяти  
Ричарда Глатцера  
Кевина Госнелла  
Криса Коннора  
Криса Энгстрома*

*Зачем оставаться в тюрьме, когда дверь открыта нараспашку?*

***Руми***

Lisa Genova  
EVERY NOTE PLAYED

Copyright © 2018 by Lisa Genova  
Originally published by Gallery Books, a Division of Simon & Schuster Inc.  
All rights reserved

© Т. А. Савушкина, перевод, 2021  
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021  
Издательство Иностранка®

## Пролог

Ричард исполняет вторую часть шумановской Фантазии до мажор, соч. 17, последнего произведения своего сольного концерта, в Центре исполнительского искусства Адриенн Аршт в Майами. Билеты в концертный зал распроданы, но энергетики этой площадке не хватает. Ей недостает престижности, внушительного веса Линкольн-центра или Королевского Альберт-холла. Может, в том-то все и дело. Впрочем, в этом концерте нет ничего особенного.

За спиной Ричарда нет ни дирижера, ни оркестра, все взгляды зрителей устремлены исключительно на него. Ему это как раз по вкусу. Он обожает безраздельно владеть их вниманием, ощущать прилив адреналина, чувствовать себя звездой. Для него отыграть сольный концерт все равно что прыгнуть с парашютом.

Но на протяжении всего вечера Ричард замечал, что скользит по нотам, не погружаясь в них. Мыслями витает где-то далеко, то думая о стейке, которым собирается поужинать в гостинице, то стесняясь своей неидеальной посадки, то критикуя плоскость своего исполнения. В общем, четко осознает себя, вместо того чтобы раствориться в музыке.

Технически к нему было не придаться. Немногие из ныне живущих пианистов могли бы отыграть такую сложную часть в столь требовательном темпе, да еще и без ошибок. Обычно ему нравится исполнять это произведение, в особенности помпезные аккорды его второй части, такой мощной и величественной. И все же он не чувствует ни малейшей эмоциональной связи с ней.

Ричард надеется на то, что большая часть зрителей, если не все, не столь взыскательны, чтобы почувствовать разницу. Черт, да большинство из них, наверное, и не слыхивали никогда о шумановской Фантазии до мажор, соч. 17! У него всегда сердце разрывается, оттого что миллионы целыми днями внимают Джастину Биберу да так и умрут, ни разу в жизни не услышав ни Шумана, ни Листа, ни Шопена.

На ум приходит: «Носить кольцо еще не значит быть в браке». Об этом ему несколько лет назад заявила Карина. Сегодня вечером он как раз при кольце. И вовсе на этот счет не переживает, хоть и не знает точно почему. Сейчас доиграет эту последнюю композицию, а завтра вечером здесь же даст себе еще один шанс, прежде чем сесть на самолет до Лос-Анджелеса. До окончания тура еще пять недель. Когда он вернется домой, уже наступит лето. Здорово. Он любит лето в Бостоне.

Ричард отыгрывает концовку адажио третьей части: звуки нежны, торжественны, исполнены надежды. На этом месте у него на глаза часто наворачивались слезы, он словно становился чувствительным проводником этой беззащитной ранимости, выраженной столь изящно, – но сегодня вечером ничто его не трогает. Надежды не для него...

Звучит последняя нота, и этот звук задерживается на сцене, прежде чем рассеяться, расплыться. В зале повисает гробовая тишина, но через мгновение ее пузырь прорывается аплодисментами. Ричард стоит лицом к публике. Он сгибается в поклоне, задевая пальцами полы смокинга. Зрители встают с мест. Освещение в зале сейчас немного прибавили, и он видит их улыбающиеся, горящие воодушевлением лица. Они полны восхищения и благоговения перед ним. Ричард снова кланяется.

Он любим всеми.

И никем.

## Спустя год

### Глава 1

Если бы Карина выросла в другом месте, километров на пятнадцать севернее или южнее своего дома – в Гливице или Бытоме вместо Забже, – вся ее жизнь сложилась бы иначе. Даже будучи ребенком, она ни разу в этом не усомнилась. Местонахождение играет в судьбе ту же роль, что и в недвижимости.

В Гливице девочки занимались балетом по праву рождения. Балет там преподавала мисс Гося, бывшая прославленная прима-балерина Польского национального балета, еще до введенного из-за русских военного положения<sup>1</sup>, и потому растить дочек во всех прочих отношениях угрюмом Гливице считалось преимуществом, исключительной привилегией, ведь девочки могли общаться со столь опытным преподавателем. Девочки здесь росли в трико, с пучком на голове и лелеяли прозрачную, как фатин<sup>2</sup>, надежду однажды, выписывая пируэты, утанцевать прочь из Гливице. Не зная точно о дальнейшей судьбе тех маленьких балерин, Карина уверена, что большинство из них, если не все, остались крепко привязанными к месту, где все для них началось, и превратились в школьных учительниц или шахтерских жен, чьи несбывшиеся мечты о балетном будущем перешли по наследству их дочерям, следующему поколению воспитанниц мисс Гози.

Если бы Карина выросла в Гливице, кем она уж точно не стала бы, так это балериной. У нее ужасные ступни, широкие, несуразные ласты с почти полным отсутствием подъема, крепкий костяк с длинным туловищем и короткими ногами – тело, созданное коров доить, а не па-де-буре выделять. Она никогда не пробилась бы в лучшие ученицы мисс Гози. Родители Карины прекратили бы выменивать драгоценный уголь и яйца на уроки балета задолго до того, как дело дошло бы до пуантов. Родись Карина в Гливице, там она и застряла бы навек.

А вот бытомских девочек не водили на уроки балета. В Бытоме у детей была католическая церковь. Мальчиков готовили к священству, девочек – к монастырю. Карина вполне могла бы стать монахиней, если бы росла в Бытоме. Родители ужасно гордились бы ею. Может, выбери она Бога, и жизнь у нее была бы спокойной и добропорядочной.

Вот только жизнь ей, в общем-то, выбора не предоставила. Карина выросла в Забже, а в Забже проживал господин Боровиц, единственный в городе учитель по игре на фортепиано. У него не имелось ни авторитетного послужного списка, как у мисс Гози, ни специальной музыкальной студии. Занятия проходили в его гостиной, пованивающей кошачьей мочой, пожелтевшими книгами и сигаретами. Однако учителем господин Боровиц был прекрасным: преданным своему делу, строгим, но умеющим воодушевить. И что самое важное, всех своих учеников он учил играть Шопена. В Польше Шопена чтят наравне с папой Иоанном Павлом II и Господом Богом. Такая вот польская Святая Троица.

Пусть Карине от рождения не досталось гибкого тела балерины, она была одарена сильными руками и длинными пальцами пианистки. Карина до сих пор не забыла своего первого занятия с господином Боровицем. Ей было пять. Блестящие клавиши, мгновенное извлечение приятного звука, история из нот, рассказанная ее пальцами. Она сразу же всем этим прониклась. В отличие от большинства детей ее никогда не приходилось насильно усаживать за инструмент. Как раз наоборот, ее от него отрывали. «Заканчивай играть и займись домашним

---

<sup>1</sup> Имеется в виду военное положение 1981–1983 годов, введенное под предлогом защиты от советского вторжения. – *Здесь и далее примеч. перев.*

<sup>2</sup> *Фатин* – сетчатая ткань для пошива балетных пачек.

заданием. Заканчивай играть и накрой на стол. Заканчивай играть, пора спать». Сама она не могла не играть. До сих пор не может.

В конечном счете фортепиано стало ее билетом из удушливой Польши в Америку – к Кёртису<sup>3</sup> и ко всему, что будет потом. Ко *всему*, что будет потом. То единственное решение – научиться играть на фортепиано – запустило все последующие события, точно первая костяшка в цепи домино. Она ни за что не оказалась бы здесь, сейчас, на вечеринке Ханны Чу в честь окончания школы, не освоив она когда-то фортепиано.

Карина паркует свою «хонду» за «мерседесом», последним в ряду автомобилей, что выстроились паровозиком вдоль обочины, по меньшей мере за три квартала от дома Ханны – решает, что ближе не приткнуться. Бросает взгляд на часы на приборной панели. Опаздывает на полчаса. Ну и хорошо. Заглянет ненадолго, поздравит и откланяется.

Она идет, постукивая по асфальту каблучками, прямо человек-метроном, а ее мысли проскакивают в голове в такт шагам. Если бы не фортепиано, она бы никогда не повстречала Ричарда. Какой была бы тогда ее жизнь? Сколько часов Карина потратила, предаваясь этой фантазии? Если подсчитать, часы сложатся в дни и недели, а может, и того больше. Как много времени потрачено впустую... Что могло бы случиться. Чего никогда не случится.

Может, она была бы всем довольна на родине, покинутой ради дальнейшей учебы. Так и жила бы с родителями, спала бы в своей детской спальне. Или вышла бы замуж за какого-нибудь скучного мужичка из Забже, углекопа, зарабатывающего на жизнь пусть тяжелым, зато честным трудом, и стала бы домохозяйкой, посвятившей себя воспитанию пятерых детей. Оба этих безотрадных сценария импонируют ей сейчас благодаря одной общей черте, в привлекательности которой ей ужасно не хочется признаваться: в них нет одиночества.

А что было бы, поступи она в Истмен<sup>4</sup> вместо Кёртиса? Ведь так почти и получилось. Один-единственный, случайный выбор. Она никогда не встретила бы Ричарда. Никогда не отступила бы, вообразив, с надменным и неуязвимым оптимизмом своих двадцати пяти лет, что ей выпадет еще один шанс, что колесо фортуны, вращаясь, со щелчком остановится и его всемогущая стрелка укажет прямо на нее. Следующего оборота она прождала годы. Иногда это происходит в жизни только единожды.

Но в то же время, не познакомься она с Ричардом, не было бы на белом свете их дочери Грейс. Карина представляет себе другую реальность, в которой ее единственная дочь так и не родилась, и ловит себя на том, что такая версия событий кажется ей заманчивой, едва ли не желанной. Карина одергивает себя, устыдившись, что допустила столь жуткую мысль. Она любит Грейс больше всего на свете. Однако, по правде говоря, рождение Грейс стало в ее жизни еще одним поворотным пунктом, перепутьем, переломным моментом вроде «родись она в Гливице, Бытоме или Забже». *Левая* дорожка привела ее к Грейс, а саму Карину привязала к Ричарду туго затянутой на шее веревкой на манер поводка – или удавки, день на день не приходится – на последующие семнадцать лет. *Правая* – так и осталась невыбранной. Кто знает, куда бы она могла завести?

Сожаление омрачает каждый шаг, тащится верным псом по пятам, пока Карина шагает по извилистой, вымощенной камнем дорожке, ведущей на задний двор семейства Чу. Ханну приняли в Нотр-Дам<sup>5</sup>, куда она и хотела. Еще одна ученица уезжает учиться в колледж... Там Ханна забросит свои занятия фортепиано. Как и большинство учеников Карины, Ханна брала уроки только потому, что ей хотелось включить строчку «играю на фортепиано» в свои заявления на поступление в колледж. Ее родители преследовали ту же самую цель, часто в разы более

---

<sup>3</sup> *Кёртис* – Кёртисовский институт музыки, штат Пенсильвания.

<sup>4</sup> *Истмен* – Истменская школа музыки, штат Нью-Йорк.

<sup>5</sup> *Нотр-Дам* – здесь: Университет Нотр-Дам-дю-Лак, штат Индиана.

напористо и беззастенчиво. Поэтому Ханна занималась только для проформы, а их еженедельные получасовые встречи были скучной повинностью как для ученицы, так и для учительницы.

Мало кому из Карининых учеников искренне нравится фортепиано, хотя у парочки даже обнаружили способности и талант, но ни один из них не любит инструмент настолько, чтобы заняться им всерьез. А его нужно любить. Да Карина их и не винит. Эти ребята загружены сверх меры, вымотаны и слишком заиклены на том, чтобы попасть в «самый лучший» университет, у них нет сил на серьезное увлечение. Цветку не вырасти из семечка без любви – ему требуются постоянная забота, солнце и вода.

Но Ханна не просто одна из Карининых учениц. Ханна была закадычной подругой Грейс с шести лет до окончания средней школы. Хождения друг к другу в гости, совместные ночевки, герлскауты, футбол, походы в торговый центр и в кино – на протяжении почти всех детских лет Ханна для Грейс была все равно что младшей сестрой. Когда Грейс перешла в старшие классы, а Ханна осталась учиться в средней школе, само собой так получилось, что у каждой из девочек образовался собственный круг общения со сверстниками. Все обошлось без выяснения отношений. Напротив, спокойным течением подруг – и они не сопротивлялись – отнесло на разные, хоть и соседние острова. Правда, иногда они по-прежнему навещали друг друга дома.

Такая важная веха в жизни Ханны, как окончание школы, не должна была бы иметь для Карины большого значения, но по ощущениям кажется чем-то эпохальным, словно это потеря существеннее очередной поступившей в колледж ученицы. Накатывают прошлогодние воспоминания той же поры, и она снова переживает, что у Грейс кончается детство. Карина со вздохом оставляет поздравительную открытку для Ханны на столе с подарками.

Хотя вечеринка бурлит в дальнем конце просторного заднего двора, Карина сразу же находит глазами виновницу торжества: та стоит на самом краю трамплина, смеется, а выстроившиеся в линию за ее спиной мокрые девушки и парни – хотя парни в основном плещутся в бассейне – выкрикивают ее имя, подначивая на что-то. Карина ждет, чтобы понять, на что именно. Ханна подпрыгивает в воздух и плюхается бомбочкой в воду, окатывая брызгами собравшихся у бассейна родителей. Те ворчат, отирая воду с рук и лиц, но улыбаются. День выдался жарким, и секундный душ, наверное, показался взрослым гостям освежающим. Карина замечает среди них мать Ханны, Пэм.

Теперь, когда Ханна перебирается в Индиану, Карина подозревает, что вообще перестанет видеться с Пэм. Не так давно, вскоре после того, как Грейс перешла в старшие классы, они забросили свои винные посиделки по четвергам. За последнюю пару лет их дружба скатилась до редких, кратких и малозначащих встреч до или после еженедельных фортепианных уроков Ханны. У Пэм было трое детей, и в ее обязанности входила развозка их по всему городу в соответствии с сумасшедшим графиком дополнительных занятий; из-за вечной спешки она не могла забежать к подруге даже на минутку и ждала Ханну в машине, не заглушая двигателя. Карина махала ей из входной двери каждый вторник в 17:30, когда Пэм отъезжала от ее дома.

Карина едва решилась прийти сегодня. Она смущается оттого, что явилась одна. Интроверт по натуре, она и о браке-то своем особо не распространялась, а уж о разводе и вовсе молчком молчала. Если предположить, что Ричард тоже держал рот на замке, а в этом можно было не сомневаться, подробностей так никто и не знает. Однако сплетники всегда раздуют драму на пустом месте. Должен же кто-то быть прав, а кто-то виноват. По взглядам украдкой, стихнувшим разговорам и натянутым, пластмассовым улыбкам Карина понимает, какая из ролей выпала ей.

Особенно ему сочувствуют женщины. Ну разумеется. В их представлении Ричард – окруженная сакральным ореолом знаменитость. Потому он и заслуживает половины более утонченной, способной отдать должное его незаурядности, – словом, рядом с ним должна быть женщина соответствующего уровня. Им кажется, будто Карина завидует его достижениям, злится из-за его успеха и тяжело переживает его славу. Она же всего-навсего захудалая провинциаль-

ная училка, натаскивающая равнодушных шестнадцатилеток бряцать Шопена на пианино. Ей явно не хватает чувства собственного достоинства, для того чтобы быть супругой столь великого человека.

Да что они знают?! Ни черта они не знают!

Грейс только закончила первый курс Университета Чикаго. Карина предполагала, что дочь к этому времени уже вернется домой и придет на праздник к Ханне, но Грейс решила остаться на все лето в кампусе и поучаствовать в каком-то проекте под началом своего профессора математики. Что-то связанное со статистикой. Карина гордится, что дочь взяли на стажировку, и считает, что это отличная возможность показать себя, но все же живот ее болезненно крутит – знакомая реакция на неоправдавшиеся ожидания. Грейс могла бы решить иначе и приехать домой, чтобы провести лето с матерью, но она этого не сделала. Карина знает, что чувствовать себя обойденной вниманием, даже брошенной, просто смешно, но эмоции у нее берут верх над разумом. Так уж она устроена, а характер ее можно сравнить с мощной крепостью, опоры которой незыблемы.

Развод был окончательно оформлен в сентябре того года, когда Грейс училась в выпускном классе, а ровно через год она уехала за тысячу миль. Сначала ушел Ричард. Потом Грейс. Карина гадает, когда сможет привыкнуть к воцарившейся в ее доме тишине, к пустоте, к воспоминаниям, хранящимся в каждой комнате и не менее реальным, чем картины на стенах. Она скучает по голосу дочери, болтающей по телефону, по ее хихикающим подружкам, по ее обуви в каждой комнате, по валяющимся на полу резинкам для волос, полотенцам и одежде, по свету, который забыли выключить. Она скучает по дочери.

Но не по Ричарду. Когда он выехал, его отсутствие ощущалось скорее как присутствие чего-то нового. Сладостное спокойствие, которое установилось после того, как он ушел, заполнило больше места, чем когда-либо занимали его человеческое обличье и непомерное эго. Она не скучала по нему тогда, не скучает и сейчас.

Вот только хождения на такие семейные мероприятия в одиночестве, без мужа, выводят ее из равновесия, заставляя чувствовать себя так, будто она балансирует на самом краешке двуногого стула. Так что в некотором смысле она все-таки скучает по своему бывшему. По стабильности. Ей сорок пять, и она в разводе. Одинока. В Польше ее заклеямили бы позором. Но она уже больше полжизни провела в Америке. В этой светской культуре ее положение не редкость и в нем ничего зазорного. Но все же ей было стыдно. Девушку из Польши забрать можно, но вот Польшу у девушки – никогда.

Не узнав никого из родителей, кроме Пэм, она делает глубокий вдох и начинает долго и неловко в одиночку проталкиваться к ней. Карина потратила до смешного много времени на подготовку к этому празднику. Какое платье надеть? Какие туфли? Какие серьги? Она вытянула феном волосы. Даже сходила вчера на маникюр. Ради чего? Не сказать чтобы она пыталась произвести впечатление на Ханну, или на Пэм, или на кого-то из родителей. Как не сказать чтобы здесь были одинокие мужчины, хотя она в любом случае никого не ищет.

Она знает почему. Черта с два она допустит, чтобы кто-нибудь глянул на нее и подумал: «Бедняжка Карина. Ее жизнь в полном раздразе, да и сама она выглядит не лучше». Другая причина – Ричард. Пэм и Скотт Чу – тоже его друзья. Так что Ричарда, скорее всего, позвали. Она могла бы спросить у Пэм, есть ли Ричард в списке приглашенных – большого значения это не имеет, просто чтобы знать, – но она струсилась.

Ее охватывает муторное подозрение, что он может быть здесь, и даже мелькает еще более тошнотворная мысль: он может заявиться сюда с очередной повисшей на его руке девкой, тощей, мелкой, лет двадцати, в придачу со своим самомнением, сквозящим в каждом слове. Карина пожевала губами, чтобы на них точно не осталось комочков помады.

Она шарит глазами по двору. Рядом с Пэм и кучкой родителей, толпящихся у раздевалки возле бассейна, Ричарда нет. Карина обводит взглядом бассейн, стойку с грилем, газон. Его нигде не видно.

Она подходит к раздевалке и присоединяется к Пэм, Скотту и другим родителям, собравшимся в кружок. Они тут же понижают голоса и заговорщицки переглядываются. Время останавливается.

– Привет, как тут у вас дела?

Все дружно смотрят на Пэм.

– Э-э-э... – медлит та. – Мы тут как раз говорили о Ричарде.

– Правда? – Карина с замершим сердцем ждет, готовясь к унижению. Никто не произносит ни слова. – А что с ним?

– Он отменил свой гастрольный тур.

– Вот как?

Ничего сногшибательного в этой новости нет. Он и раньше, бывало, отменял концерты и отдельные гастрольные выступления. Однажды он так невзлюбил дирижера, что отказался выходить с ним на одну сцену. В другой раз Ричарда пришлось заменить в самый последний момент, потому что он напился в баре аэропорта и пропустил свой рейс. Интересно, что у него за причина на сей раз. Но Пэм, Скотт и все остальные смотрят на нее с мрачными лицами, как будто ей следовало ответить как-то более участливо.

В животе бурлит волнение, внутренние улицы быстро заполняются, а в самом центре на импровизированной трибуне разгорается яростный протест, возмущение оттого, что ей приходится иметь со всем этим дело, что даже Пэм не может проявить к ней побольше чуткости. Она же развелась с ним. Его жизнь больше не ее забота.

– Ты правда не в курсе? – уточняет Пэм.

Все ждут ее ответа: губы поджаты, тела неподвижны, – прямо зрители, захваченные разыгрывающейся перед ними пьесой.

– Не в курсе чего? Он что, при смерти или что-то вроде того?

У нее вырывается нервный смешок, и звук этот отдает диссонансом. Она оглядывает собравшихся родителей в поисках кого-то, кто поддержит, пусть даже фраза у нее вышла не слишком уместной, и простит за толику черного юмора. Но все либо смотрят на нее в ужасе, либо отводят взгляд в сторону. Все, кроме Пэм. В ее глазах читается неохотное «угадала».

– Карина, у него диагностировали БАС, боковой амиотрофический склероз.

## Глава 2

Ричард уже проснулся и лежит в постели. Он доволен: проспал всю ночь. Его внимательный немигающий взгляд устремлен куда-то в направлении скрученной полоски краски, отслоившейся от сводчатого потолка прямо над ним. Он чувствует, как оно приближается, как подкрадывается некое незримое присутствие, подобно рою заряженных, гудящих в воздухе ионов перед надвигающейся грозой, и все, что он может делать, так это лежать не двигаясь и ждать, пока оно его не минует.

Ричард находится в своей спальне, вместо того чтобы нежиться в номере нью-йоркского отеля «Мандарин Ориентал». Прошлым вечером он должен был дать сольное выступление в Дэвид-Гэффен-холле, концертном зале Линкольн-центра. Он обожает Линкольн-центр. Билеты на эту площадку, вмещающую почти три тысячи мест, были раскуплены за много месяцев вперед. И если бы он проснулся в «Мандарине», то самое время было бы заказать завтрак. Вполне возможно, на двоих.

Но он не в нью-йоркском «Мандарине» и не в компании какой-нибудь милашки. Он один, в постели, в своей бостонской квартире на Коммонуэлс-авеню. Он голоден, тем не менее смиренно лежит и ждет.

Тревор, его агент, распространил пресс-релиз, в котором объявлялось об отмене гастролей из-за тендинита. Ричарду не понять, зачем нужно было обнародовать эту заведомо ложную информацию. Им все равно не сегодня завтра придется разруливать ситуацию. Ричарду в любом случае не отвертеться. Да, поначалу он решил, что у него тендинит, раздражающе обременительная, но распространенная травма, которая лечится отдыхом и физиотерапией. Он жутко расстроился из-за того, что ему каких-то несколько недель нельзя будет прикасаться к клавиатуре, переживал, как перерыв отразится на качестве игры. Это было семь месяцев и целую вечность тому назад. Чего бы он сейчас не отдал за этот самый тендинит!

Может статься, агент все еще отказывается признать очевидное. У Ричарда на осень запланировано выступление с Чикагским симфоническим оркестром. Тревор так его и не отменил – вдруг Ричарду каким-то образом к тому времени полегчает? Ричард это понимает. Даже сейчас, через шесть месяцев после того, как ему поставили диагноз, он все еще не может полностью осознать ни что с ним случилось, ни что его ждет дальше. Ричард много раз на дню, читает ли он или пьет кофе, ловит себя на том, что наблюдает за собой и не находит никаких проявлений болезни. Он чувствует себя совершенно здоровым и либо забывает о событиях последних месяцев, либо ощущает, как в нем поднимается решительный протест.

Невролог ошибся. Это вирус. Защемление нерва. Болезнь Лайма. Тендинит. Временное недомогание, и сейчас все уже прошло. Все в порядке.

А потом правая рука отказывается держать ритм при исполнении рахманиновской Прелюдии соль-диез минор, старается нагнать темп, но никак не поспевает. Или Ричард роняет недопитую чашку кофе, потому что она оказывается слишком тяжелой. Или ему недостает сил, чтобы управиться с кусачками для ногтей. Он опускает взгляд на нелепо длинные ногти левой руки и на аккуратно подстриженные правой.

Это не временное недомогание.

Не играть ему осенью в Чикаго.

В кровати он лежит голый, всегда спал нагишом. Все эти годы, проведенные бок о бок с Кариной, в этих ее фланелевых пижамах под горло и толстых гольфах до колен. Он пробует представить ее без одежды, но воображение рисует ему только других женщин. Обычно подобные картинки вызывали у него прилив возбуждения, и он с радостью отвлекся бы прямо сейчас на приятное занятие, помастурбировал бы, но жуткое предощущение грядущего вселяет тревогу, и его член так и остается лежать, вялый и безжизненный, как и весь он сам.

Тепло его тела создало под покрывалами уютный кокон, являющий разительный контраст с неприятной стылостью спальни. Мысленно приготовившись к тому, что кожи коснется пронзительно-холодный воздух, он сдергивает с себя простыню со стеганым одеялом. Хочет все видеть, когда начнется...

Он внимательно осматривает руки по всей длине, изучает каждый сустав каждого пальца, с особой тщательностью – указательный и средний пальцы правой руки. Исследует грудь и живот на предмет отклонений от нормы во время вдоха и выдоха. Скользит взглядом по ногам до кончиков пальцев; его чувства обострены и находятся в полной боевой готовности, как у охотника, высматривающего, не мелькнет ли где белый мех.

Он ждет. Его тело – точно стоящая на плите кастрюля с водой, и конфорка включена на максимум. Это просто вопрос времени. Рано или поздно вода всего равно закипит. Ричард, конечно, надеется, что все обойдется. Но вместе с тем, как это ни парадоксально, лежит в предвкушении знакомого его телу танца.

На поверхность выскакивает первый пузырек: «хлоп» раздается в левой икре. Несколько секунд там ощущается вибрация – это «разогрев», потом она перескакивает на правую четырехглавую мышцу, прямо над коленом. Следом начинает щекотать бугорок у основания большого пальца правой руки. Снова, еще и еще.

За чем особенно тяжело наблюдать, так это за произвольными сокращениями в большом пальце ведущей руки, и все же он не может отвести глаз. Ричард зовет к нему с немой мольбой, к этому своему поселившемуся внутри микроскопическому врагу. По чистой случайности – Ричард знает, что не имеет власти повлиять на его планы, – противник оставляет его руку и, прокладывая себе ход в зазоре между кожей и оболочкой мышц, точно мышь, прогрызающая лазы в стенах, поражает теперь уже его правый бицепс. Потом нижнюю губу. Эти мгновенные, пульсирующие спазмы быстрой рябью перекачиваются от одной части его тела к другой, создавая ощущение бурлящего кипения.

Иногда подергивание сохраняется в каком-то одном месте. Вчера оно «застряло» на правом трицепсе, на сегменте размером с четвертак, который сокращался прерывисто, но однообразно несколько часов кряду. Оно ни дать ни взять открыло там свое дело, крепко обосновалось, влюбилось... и не могло уже двигаться дальше. Ричард здорово перепугался, что подергивание так никогда и не прекратится.

При всем при том ему доподлинно известно, что оно не может продолжаться вечно. В какой-то момент подергивания во всех группах мышц до единой – в руках, ногах, у рта, в диафрагме – закончатся раз и навсегда, и потому стоит это ценить. Быть за это благодарным. Подергивания значат, что его мышцы все еще на месте, все еще способны сокращаться.

Пока способны.

Двигательные нейроны в его теле отравляются целым коктейлем токсинов, рецепт которого не известен ни его доктору, ни хотя бы одному ученому на белом свете, и вся его система двигательных нейронов пребывает в глубоком пикé. Его нервные клетки погибают, и мышцы, которые они активизируют, буквально голодают из-за недополучения сигналов. Каждое подергивание говорит о том, что какая-то мышца, заикаясь и задыхаясь, молит о спасении.

Их нельзя спасти.

Но они пока еще живы. Подобно лампочке в его машине, сигнализирующей о низком уровне топлива в баке, эти фасцикуляции служат своего рода системой раннего оповещения. Лежа в кровати, голый и озябший, он начинает подсчитывать. Если исходить из предположения, что, когда загорается сигнальная лампочка, у него в баке имеется еще примерно пара галлонов и что его «БМВ» по скромной прикидке расходует по городу один галлон топлива на двадцать две мили, то он сможет проехать сорок четыре мили до того, как закончится бензин. Ричард представляет себе именно такой порядок событий. Бензин израсходован до последней

капли. Распределительные шестерни со скрипом остановились. Двигатель заклинило. Машина встала. Смерть.

Нижняя губа справа подергивается. Не вникая в биологию, он гадает, сколько в его теле осталось мышечного топлива. Вот бы подсчитать эти подергивания.

Сколько миль он еще протянет?

## Глава 3

До Коммонуэлс-авеню Карина идет чуть больше пяти кварталов, едва ли замечая, что ее окружает, – воробьев, склевывающих крошки оброненного под парковую скамью маффина; скейтбордиста, чью голую грудь покрывает татуировка со свирепым драконом; воинственный визг колесиков борда, на котором «дракон» проносится мимо нее; молодую азиатскую пару, неспешно прогуливающуюся бок о бок, рука в руке; ветерок с запахом сигаретного дыма; ревущего в коляске малыша; лающего пса; сложную хореографию автомобилей и пешеходов, чередующих свои танцевальные партии на каждом перекрестке. Ее внимание все это время обращено внутрь.

Сердце бьется слишком быстро для такого темпа ходьбы, что заставляет ее поволноваться. Или, может, и это более вероятно, она сначала разнервничалась и оттого у нее подскочил пульс. Карина прибавляет шаг в попытке синхронизировать свои действия с внутренней физиологией, но от этого ей только кажется, будто она спешит и не успевает. Она проверяет часы, в чем нет совершенно никакой нужды. Нельзя прийти слишком рано или слишком поздно, когда тебя не ждут.

От быстрой ходьбы выступил пот. Остановившись на следующем углу в ожидании разрешающего сигнала светофора, Карина вытаскивает из сумки бумажную салфетку, засовывает руку себе под рубашку и промокает подмышки. Роется в поисках другой салфетки, но не находит. Вытирает лоб и нос руками.

Она подходит к дому Ричарда и останавливается у подножия лестницы, задирая голову к окнам четвертого этажа. За ее спиной шпили церкви Тринити – Святой Троицы – и отвесные зеркальные стены здания Джона Хэнкока вздымаются над крышами таунхаусов из красно-коричневого песчаника, расположенных на другой стороне авеню. Из окон его дома открывается чудесный вид.

Эта улица в районе Бэк-Бей отличается особой фешенебельностью: здесь проживают «бостонские брамины», члены старейших и знатнейших фамилий Бостона, они приходятся двоюродными братьями своим соседям – жителям района Бикон-Хилл. Дом Ричарда ничем не выделяется среди домов многих других представителей сливок общества и элиты – президента «БиоГОУ», хирурга Общеклинической больницы штата Массачусетс, владельца художественной галереи, отметившей двухсотлетний юбилей, расположенной на Ньюбери-стрит и находящейся в собственности его семьи уже четыре поколения. Зарабатывает Ричард недурно, для пианиста более чем прилично, но проживание здесь ему явно не по карману. Наверное, это его версия кризиса среднего возраста, его блестящий красный «порше». Похоже, влез в ипотеку по самые уши.

Она не видела его со школьного выпускного Грейс, уже больше года. И здесь еще никогда не была. Правда, проезжала пару раз мимо, оба раза вечером, оба раза как будто для того, чтобы избежать заторов, намеренно отклоняясь от своего обычного маршрута домой из центра Бостона, замедляясь до черепашьего шага ровно настолько, чтобы не спровоцировать раздраженных гудков сзади, и едва ли настолько, чтобы успеть выхватить взглядом смазанную картинку высоких потолков и ничем не примечательное золотое свечение обитаемого жилья.

Ее задевает, что это Ричард оказался тем, кто ушел, начал все заново, с чистого листа, на новом месте. Воспоминания о нем преследуют ее в каждой комнате когда-то общего дома, редкие хорошие тревожат так же, как и привычные дурные. Она поменяла матрас и посуду. Сняла со стены в гостиной их свадебную фотографию в рамке и повесила вместо нее симпатичное зеркало. Без толку. Она ровно там же, где он ее бросил, продолжает жить в их доме, оставленный Ричардом энергетический след – словно пятно от красного вина на белой блузке: стирай ее хоть тысячу раз, с нее никогда не сойдут бурые разводы.

Она могла бы переехать, особенно сейчас, пока Грейс учится в университете. Но куда отправиться? И чем заняться? Упрямство, непробиваемый краеугольный камень ее характера, отказывается удостоить эти вопросы мало-мальски серьезным вниманием, кроме как окрестить их глупостями. Так что она сидит себе застывшей статуей в колониальном музее с тремя спальнями имени своего растоптанного брака.

К тому времени как Карина с Ричардом разошлись, Грейс уже успела получить водительские права и сама могла добраться на машине до нового отцовского дома. Холостяцкого жилья. Карина поднимается по ступеням к его парадной двери. Во рту появляется кислый привкус. На верхней ступени в желудке становится так же кисло, как у нее во рту, а слово «заболеть» перехватывает микрофон и заправляет теперь ее внутренним монологом. Она чувствует себя больной. Но напоминает себе, что она-то как раз не больна. Болен Ричард.

В желудке бурлит и бродит кислота. Зачем она здесь? Что может сказать или сделать? Выразить жалость, сочувствие, предложить помощь? Собственными глазами увидеть, насколько он плох, по той же причине, по которой водители сбрасывают скорость и плят глаза, проезжая мимо места аварии, чтобы успеть хорошенько разглядеть искореженные обломки?

Как он будет выглядеть? В голову приходит только Стивен Хокинг<sup>6</sup>. Пустая бибабо, парализованная, изможденная, неспособная дышать без аппарата; руки, ноги, туловище и голова уложены в инвалидном кресле, словно он мягкая, безвольная тряпичная кукла, голос синтезируется компьютером. И в это превратится Ричард?

Может, его даже не окажется дома. Может, он в больнице. Стоило сначала позвонить. Звонить почему-то было страшнее, чем собраться с духом и заявиться на его порог без предупреждения. Какая-то часть ее верит, что именно она стала причиной его болезни, хотя думать так – самовлюбленный бред, это ясно. Сколько раз она желала ему смерти? И вот он умирает. Надо же ей быть такой низкой, испорченной, ужасной женщиной, чтобы желать подобное, хуже того, получать от происходящего некое извращенное удовольствие.

Карина стоит перед входной дверью, колеблясь: то ли взять себя в руки и нажать кнопку звонка, то ли развернуться и отправиться восвояси – два страстных, но противоположных желания, погружающих ее в трясину сомнений, раздирающих изнутри. Будь она любительницей делать ставки, побилась бы об заклад, что уйдет.

– Да? – раздается голос Ричарда из домофона.

Сердце Карины стучит в сжавшемся, обжигаемом кислотой горле.

– Это Карина.

Она заправляет волосы за уши и оттягивает ляжку бюстгалтера, противно липнущую к вспотевшему телу. Ждет, что он откроет ей дверь, но ничего не происходит. Дверные окна завешены непрозрачными белыми шторами, и заметить чье-либо приближение с той стороны невозможно. Потом слышатся шаги. Дверь открывается.

Ричард не произносит ни слова. Она ждет, что при виде ее у него вытянется физиономия, но не тут-то было. На его лице не дергается ни один мускул, только в глазах, в которых притаилась тень усмешки, сквозит выражение не то чтобы счастья от ее появления, но удовлетворения, в том числе оттого, что он оказался прав, а ее бьющееся в горле сердце уже понимает, что ее приход оказался провальной затеей. Он продолжает молчать, она тоже ничего не говорит, и эта бессловесная игра на слабб длится, наверное, секунды две – и растягивается мучительно медленно за пределы пространства и времени.

– Надо было позвонить.

– Проходи.

---

<sup>6</sup> Стивен Хокинг (1942–2018) – английский физик-теоретик, космолог и астрофизик, парализованный вследствие бокового амиотрофического склероза. Несмотря на тяжелое заболевание, вел активную жизнь.

Карина поднимается за ним по трем лестничным пролетам, внимательно изучая его походку, уверенную, твердую, нормальную. Левая рука Ричарда скользит по перилам, и хотя его ладонь ни на секунду не отрывается от них, нет ощущения, что ему нужна хоть какая-то опора. Это не поручни для инвалида. Со спины он выглядит совершенно здоровым.

Наслушалась сплетен.

Дура.

Войдя в квартиру, Ричард ведет незваную гостью в кухню – царство темного дерева, черных столешниц и нержавеющей стали, суперсовременное и мужское. Он предлагает ей сесть на табурет у кухонного острова, откуда открывается вид на гостиную – рояль «Стейнвей», восточный ковер из их дома, коричневый кожаный диван, ноутбук на столе у окна, книжный шкаф, – скупо обставленную, лаконичную, просторную, с одним акцентом. Совершенно в стиле Ричарда.

На кухонной столешнице навтыжку стоит батарея винных бутылок, без малого две дюжины, и одна, откупоренная, – перед Ричардом, в компании бокала с красной лужицей на дне. Он обожает вино, мнит себя его знатоком, но обыкновенно позволяет себе что-нибудь особенное только после выступления, по случаю какого-либо свершения, в честь праздника, в крайнем случае за ужином. Сегодня среда, и время еще даже не перевалило за полдень.

– Притащил из подвала. Это «Шато Мутон Ротшильд» двухтысячного года выше всех похвал. – Достает бокал из шкафчика. – Присоединишься?

– Нет, спасибо.

– Твой, – Ричард помахивает рукой в пространстве между ними, – неожиданный визит или чем бы это ни было – прекрасный повод выпить, не думаешь?

– Может, тебе не стоит столько пить?

– Так это ж всё не только на сегодня, – смеется он. – Есть еще завтра, и послезавтра, и послепослезавтра.

Ричард хватает открытую бутылку, красивую, черную, с рельефным изображением золотого овна, и щедрой рукой наполняет бокал для Карины, не обращая внимания на ее возражения. Она отпивает глоток и, совсем не впечатленная, выдавливает из себя улыбку.

– В вине ты до сих пор разбираешься как свинья в апельсинах, – снова смеется он.

Что правда, то правда. Карина не чувствует разницы между дорогим французским «Мутоном» и дешевым калифорнийским «Галло», и ее это несколько не трогает – и то и другое всегда дико раздражало Ричарда. Не изменяя своей покровительственной манере, он, по сути дела, только что обозвал ее тупой свиньей. Карина стискивает зубы, чтобы сдержать комментарий, который вырвется, стоит ей открыть рот, и порыв плеснуть в лицо визави сто долларов в винном эквиваленте.

Он вращает бокал, принюхивается, пригубливает, прикрывает глаза, выжидает, глотает и облизывает губы. Открывает глаза, рот, смотрит на нее так, словно только что испытал оргазм или видел Бога.

– Как это можно не оценить? Раскрытие идеальное. Попробуй еще раз. Чувствуешь вишню?

Она делает еще один глоток. Вполне себе ничего. Однако никакой вишни она не чувствует.

– Уже не помню, когда мы в последний раз пили с тобой вино из одной бутылки.

– Четыре года назад, в ноябре. Я как раз вернулся из Японии, еле живой был после перелетов. Ты приготовила голябки<sup>7</sup>, и мы распили на двоих бутылку «Шато Марго».

Карина смотрит на него, удивленная и заинтригованная. У нее не сохранилось воспоминаний о том вечере, а вот Ричард извлек их из памяти с такой готовностью и теплотой...

---

<sup>7</sup> Голябки – голубцы по-польски.

Интересно, тот ужин просто не показался ей хоть сколько-нибудь значимым или память о нем поблекла, потесненная другими, слишком уж многочисленными неприятными эпизодами? Забавно, что история их жизни может быть изложена в совершенно разных жанрах, все зависит от рассказчика.

Их взгляды скрещиваются. Его глаза стали старше, чем ей помнится. Или не старше. Грустнее. А лицо словно заострилось. Хотя он всегда был худым, но сейчас определенно потерял в весе. И бороду отрастил.

– Вижу, перестал бриться.

– Пробую кое-что новое. Нравится?

– Нет.

Он ухмыляется и пьет вино. Постукивает пальцем по краю бокала и молчит, а она не может понять, размышляет он, как вывести ее из себя, или же проявляет сдержанность. Последнее будет в новинку.

– Значит, ты отменил свое турне...

– Как узнала?

– В «Глоуб» написали: у тебя тендинит.

– Так вот зачем ты здесь – проверить, что там с моим тендинитом?

Он пытается зацепить ее, подтолкнуть – пусть выложит карты на стол, произнесет три буквы вслух, – и ее беспокойное сердце снова частит. Она подносит бокал к губам, уклоняясь от его вопроса и своего ответа, и делает большой глоток вина, в желудок вместе с жидкостью проваливается и истинная причина ее появления здесь.

– Мне всегда казалось, что иногда ты отменяешь концерты ради привлечения внимания.

– Карина, за последующие три недели наберется несколько тысяч человек, которых я оставлю ни с чем, несколько тысяч, запланировавших провести целый вечер, уделяя мне все свое внимание. Отмена турне – это последнее, что можно сделать для привлечения внимания.

Их взгляды снова скрещиваются, и между ними прокатывается волна то ли интимной близости, то ли отчаянной откровенности.

– Хотя спору нет, твое внимание она привлекла, – улыбается он.

Ричард засовывает нос в бокал, втягивает воздух, одним махом допивает остатки. Оглядывает выстроившиеся на столешнице бутылки и вытягивает солдата из задней шеренги. Надевает колпачок штопора на горлышко и начинает проворачивать, но рука то и дело отказывается его слушаться, и у него ничего не выходит. Он снимает штопор с бутылки, осматривает горлышко, поглаживая его пальцем. Вытирает руку о штаны, словно она была мокрой.

– Эти покрытые парафином пробки хрен выдернешь.

Он возвращает штопор на прежнее место и пробует снова и снова, но его пальцы продолжают соскальзывать и не могут справиться с выкручивающим механизмом. Особо не задумываясь, она уже собирается предложить свою помощь, но тут он вдруг останавливается и швыряет штопор через всю комнату. Карина инстинктивно пригибается, хотя ей совершенно ничего не угрожало, она сидела с другой стороны.

– Ну вот, – обвиняет ее он. – Как раз это ты и пришла увидеть, верно?

– Я не знаю. Не знаю.

– Теперь довольна?

– Нет.

– За этим ты сюда и пришла. Полюбоваться на мое унижение.

– Нет.

– Я не могу больше играть, достойно играть, и никогда уже не смогу. Поэтому мое турне и отменилось, Карина. Ты это хотела услышать?

– Нет.

Она смотрит ему в глаза. Принимать вот так на себя его гнев – ужас чистой воды.

– Зачем тогда пришла?

– Думала, так будет правильно.

– Поглядите-ка на нее, она вдруг заделалась образцовой католичкой, переживает о том, что хорошо, что плохо. При всем уважении, моя дорогая, ты не отличишь одно от другого, даже если оно тебя в задницу отымеет.

Она качает головой, чувствуя омерзение от его слов, испытывая отвращение к самой себе за то, что сглупила. Поднимается.

– Я сюда пришла не затем, чтобы терпеть издевательства.

– Ну началось, опять ты с этим своим словечком. Никто над тобой не издевается. Хватит уже его всюду вставлять. Еще и Грейс мозги промыла. Поэтому она отказывается со мной разговаривать.

– Меня в этом не обвиняй. Если она с тобой не разговаривает, то, может, оттого, что ты козел.

– А может, потому, что ее мать – мстительная стерва.

Карина берет бутылку, которую он не смог открыть, за горлышко и шарахает ею о край столешницы. Выпускает из руки отбитое горлышко и отступает от растекающейся по полу лужи вина.

– В этом вишню чувствую, – говорит она дрожащим голосом.

– Вон. Сию же минуту вон!

– Жаль, что я вообще сюда пришла.

Она хлопает дверью и бежит три пролета вниз так, словно за ней гонятся. У нее ведь были самые лучшие побуждения! И как это у них все пошло наперекосяк?

Как все пошло наперекосяк?

Со всех сторон на нее наваливаются злость и тоска, ноги вдруг слабнут и кажутся ватными, сил двигаться больше нет. Карина садится на верхнюю ступень крыльца, откуда ей открывается прекрасный вид: люди, бегущие трусцой по Коммонуэлс, голуби в парке, шпили Тринити и синие стекла Хэнкока, – и, не задумываясь о том, кто ее может увидеть или услышать, раздражается рыданиями.

## Глава 4

Ричард садится за свой рояль впервые за три недели, прошедшие с 17 августа, дня, когда указательный палец правой руки, последний из пальцев на правой руке, ставших глухими к его желаниям, окончательно сдался. Ричард проверял его каждый день. 16 августа он еще мог самую малость постучать им. Цеплялся за достигнутый успех, жалко радуясь этому движению, потребовавшему титанического волевого и физического усилия и со стороны больше походившему на слабый тремор, чем на постукивание. Он возложил надежду всей своей жизни на этот палец, который восемь месяцев назад мог танцевать по клавишам в самых сложных и требующих физического напряжения пьесах без единого промаха, извлекая каждую ноту точно рассчитанным ударом.

**ФОРТИССИМО!**

*Диминуэндо.*

Его указательный палец, как и каждый палец правой руки, – точно выверенный инструмент. Если в ходе репетиции Ричард допускал одну-единственную ошибку, если хотя бы один из пальцев из-за нехватки уверенности, силы или автоматизма движений спотыкался, он тут же останавливался и начинал проигрывать произведение с самого начала. Ошибок быть не должно. Никаких оправданий для его пальцев не допускалось.

Восемь месяцев назад пальцы его правой руки были самыми виртуозными в мире. Сегодня рука до самого локтя парализована. Для Ричарда она все равно что мертвая, словно уже принадлежит трупу.

Ричард подхватывает левой рукой безжизненную правую и размещает ее на клавиатуре так, чтобы большой палец оказался на до первой октавы, а мизинец – на соль. Он ощущает прохладную гладкость клавиш, касание чувственное, соблазняющее. Им хочется ласки, они открыты и в полном его распоряжении, но он не в состоянии откликнуться на их зов, и это вдруг ощущается им как самое мучительное мгновение в его жизни.

Ричард в ужасе смотрит на свою мертвую руку, лежащую на прекрасных клавишах. И дело не просто в том, что его рука неподвижна, отчего кажется мертвой. Его пальцы не полусогнуты. Вся рука слишком прямая, слишком плоская, ей не хватает динамики, характера, возможности. Она атрофированная, вялая, немощная. Кажется бутафорской, как деталь костюма для Хеллоуина, киношный реквизит, протез из воска. Она никак не может быть частью его самого.

Воздух в комнате сгущается, становится чересчур плотным для дыхания, и кажется, будто он забыл, как сделать вдох. Его окатывает волной паники. Ричард ставит пальцы левой руки на клавиши: локоть слегка отведен, запястье приподнято, пальцы полусогнуты и наслаждаются прикосновением к клавишам. Он делает резкий вдох. Прогоняет воздух через легкие, как будто бежит со всех ног, а глаза его тем временем отчаянно шарят по клавишам и по обеим рукам в поисках решения, что делать. А что, дьявол его раздери, он может сделать?

Ричард начинает исполнять Первую симфонию Брамса, но в реальности звучит только партия левой руки, партия правой проигрывается в голове. Он сыграл этот пятидесятиминутный концерт с Бостонским симфоническим оркестром в Тэнглвуде прошлым летом. Восемьдесят семь страниц вызубрены и сыграны с непревзойденным совершенством. Бывают концерты, отыгранные хорошо и встреченные овациями, а есть и такие, на которых музыка звучит на выходящем за рамки обычного восприятия уровне. Ради таких невероятных выступлений он и живет.

В тот вечер на лужайке оркестр был чем-то большим, чем просто кавер-группой для Брамса. Оркестранты были открытым каналом, наполняющим музыку жизнью, и Ричард чувствовал ту иступленную энергетическую связь между его душой, душами других музыкантов,

душами зрителей, собравшихся на лужайке, и душой нот. У него никогда не получалось внятно описать уравнение или эту алхимическую реакцию. Выразить магию музыки Брамса языком – все равно что измерить скорость света деревянной школьной линейкой.

Играя только левой рукой, Ричард закрывает глаза, чтобы не видеть другую, неподвижную, омертвевшую руку, и это оторванное от всего психофизическое исполнение доставляет ему хоть и совсем недолгое, но все-таки удовольствие. Но затем он начинает раскачиваться всем телом вперед-назад – стойкая привычка, за которую его ругали многие преподаватели: мол, она отвлекает или же говорит о недостатке дисциплины, – и нечаянно сбрасывает правую руку с клавиатуры. Мертвая рука болтается как плеть, напоминая спущенный якорь, тянет вниз и болит. Похоже, опять вывих.

Он использует это. Боль в Первой симфонии Брамса, ее глубину, ощущение тоски, потери, воинственность мятежной первой части, заставляющие думать о войне, представлять себя идущим в бой. Тревожащая сольная партия левой руки. Сиротливое воспоминание мелодии, проигрывающейся у него в голове. Агонизирующая боль в плече. Потеря правой руки.

Ему хватает смелости задаться вопросом, какую часть себя он потеряет в следующий раз. Его интуиция и логика сходятся во мнении.

*Вторую руку.*

Ричард выпускает вопль и со всей оставшейся в его левой руке силой бьет по клавишам. Звуки мелодии, хранящейся в памяти, от него ускользают, и сейчас он слышит только то, что звучит в реальности, вибрации, порожденные молоточками, войлоком, струнами и голосовыми связками, тишина вместо партии правой руки ощущается смертью, утратой истинной любви, горьким завершением отношений, разводом.

Кажется, будто он снова переживает свой развод. Ричард поднимает левую руку высоко над клавиатурой и замирает, обрывая исполнение как раз перед крещендо в первой части, тяжелый стук его сердца отдается в плече, и во внезапно наступившей тишине – его незаконченная песня, его прерванная жизнь. Он сжимает левую руку в кулак и со всей силы, как будто в уличной драке, колотит по клавишам и рыдает, снова преданный и убитый горем.

## Глава 5

В Университете Чикаго семейные выходные. Грейс настаивала, что Карине вовсе не обязательно приезжать. Мол, в студенческом городке Карина уже побывала. В прошлом году они накупили в университетском магазине свитшотов, футболок, наклеек на бампер и больших кофейных кружек. Карина видит комнату Грейс в общежитии и ее соседку и узнает все последние новости каждое воскресенье, когда дочь звонит ей по «ФейсТайм». Карине подумалось: кажется, будто Грейс слишком уж старается отговорить ее от приезда, словно не хочет допустить мать в свою личную жизнь, отстаивает независимость или хранит какой-то большой секрет. Но Карину было не переубедить. Билет на самолет стоил вполне разумных денег, и она скучала по своей дочери.

Сейчас они сидят в «Коммон-Граундс», уютной хипстерской кофейне на территории университета, а рядом с Грейс расположился ее «большой секрет»: в одной руке у него тройной латте, другая покоится на бедре девушки. У Мэтта тщательно уложенные темно-русые волосы, едва заметная щетина и голубые глаза, которые искрятся весельем всякий раз, когда он открывает рот. Парень явно без ума от Грейс. И та тоже от него без ума, хотя старается в присутствии матери держать себя в руках.

– Грейс тут сказала, вы потрясающая пианистка, – говорит Мэтт.

Тыквенный латте застывает на полпути ко рту. Карина неожиданно забыла, что с ним делать. Она застигнута врасплох, растрогана тем, как описала ее Грейс и при этом даже прихвостнула. Потрясающий пианист у них Ричард, а не она. Или, может, Мэтт просто их перепутал. Или выслуживается перед матерью своей девушки.

Карина ставит чашку на стол.

– Да нет, это она о своем отце. Я всего лишь учительница музыки.

– Она потрясающая, – говорит Грейс, уверенно поправляя мать. – Но отказалась от собственной карьеры, чтобы сидеть дома со мной. Поэтому у меня детей не будет. Я не собираюсь сделать своему образованию ручкой, чтобы воспитывать какого-то там ребенка.

– Какого-то там норовистого ребенка, – улыбается Мэтт.

Грейс шутливо толкает парня в плечо, ущипнув его за бицепс. Карина пьет латте маленькими глотками и слизывает пену с губ, наблюдая за ними. Они определенно спят вместе.

Карина и Грейс близки, но подобные вещи не обсуждают, – похоже, черта, унаследованная еще от матери Карины, заодно с ее зелеными глазами и привычкой просыпаться до рассвета, даже если очень устала накануне. У Карины с матерью состоялся ровно один разговор на тему секса. Ей было двенадцать, и она уже не помнит точно, как звучал ее вопрос, зато помнит ответ матери – та как раз стояла у раковины спиной к Карине и мыла посуду: «Сексом занимаются, чтобы появились дети. Это священное таинство между мужем и женой. А сейчас пойдй сними полотенца с веревки». И на этом все, точка.

Чуть больше Карина узнала от монахинь и подружек. Она помнит, какой испытала ужас и смущение, когда Зофия сказала ей, что Наталия делает парням минет под трибунами в спортивном зале. Карину потрясла эта новость – главным образом потому, что она имела весьма смутное представление о том, что такое минет, а спросить смелости не хватало. Но в любом случае она наверняка знала, что за это Наталия попадет в ад.

Когда Карине было шестнадцать, ее подругу Мартину, сорвиголову и красотку, отправили жить к тетке. Девушка вернулась через девять месяцев – вся какая-то притихшая и не поднимавшая ни на кого глаз. В городке о ней не судачил только ленивый. Мартина стала порченным товаром. Теперь замуж ее никто и никогда не возьмет. Стыд-то какой.

Карина представила себе брошенного Мартиной ребенка, дочку или сына, которого та никогда больше не увидит, и участь навек остаться незамужней. Прямо тогда и зареклась: она

не останется у разбитого корыта, как Мартина, или в четырех стенах, как ее мать, прикованная к дому и своим пятерым детям: кухня, готовка, уборка днями и ночами на протяжении десятилетий. Карина не потеряет контроль над собственной жизнью.

Когда Грейс перешла в старшие классы, у них тоже состоялся «разговор». Карина была преисполнена решимости сделать его более содержательным, чем то «вразумление», которое она получила от своей матери, и намеренно не привнесла в него ни католической стыдливости, ни женоненавистнической мифологии. *Никакого секса до свадьбы, никаких противозачаточных – все эти правила не от Бога, милая. Они были придуманы мужчинами.* Мать и дочь ехали в машине на очередную футбольную игру Грейс, сидя скорее бок о бок, чем лицом к лицу, но это все равно было куда лучше, чем если бы Грейс любовалась материнской спиной, как в свое время Карина. А Карина говорила о презервативах и противозачаточных таблетках, венерических заболеваниях и беременности, близости и любви.

*Секс не грех. Но ты должна позаботиться о себе. Предохраняться – женская обязанность.* Сейчас, когда в голове прокручиваются эти слова, она морщится – так же она морщилась во время разговора в машине, заново переживая свою вину. Предохраняться не грех. Она сделала то, что должна была.

Не лжесвидетельствуй.

Лгать грешно.

Если у Грейс и осталось в памяти хоть что-нибудь из того разговора, Карина всегда надеялась, что она запомнила предостережение матери: *Что бы ты ни делала, главное – не забеременей.* Карина точно повторила это несколько раз и, хотя была за рулем и на Грейс могла взглянуть лишь искоса, все же чувствовала, как дочь смущается и закатывает глаза.

Сейчас Карина смотрит прямо на Грейс, и лицо той светится уверенностью. Она полностью контролирует свою жизнь. Карина рада, что ее слова были приняты к сведению, но она не имела в виду «не важно, что бы ты ни делала». Это она хоть как-то смогла донести?

– Зато я получилась классная. Так что оно того стоило, да, мам?

– Да, милая.

– Учительница в школе? – интересуется Мэтт.

– Нет, преподаю дома. В гостиной.

– А-а-а...

– Точно говорю, играет не хуже папы, но вся слава достается ему.

– Ты хоть общаешься с отцом? – спрашивает Карина.

– В последнее время нет. А что?

Карина не слышала ничего о Ричарде с того кошмарного июльского дня, когда была у него дома. Хоть он и не смог открыть ту бутылку вина, Карина все-таки не уверилась в том, что у него и вправду БАС. Скорее всего, это что-нибудь вроде туннельного синдрома кисти или тендинита – хворей, с которыми рано или поздно сталкивается любой пианист, досадных, но все же неопасных. Если бы у Ричарда действительно был БАС, разве он не рассказал бы об этом своей единственной дочери?

– Кажется, у него в следующем месяце запланировано выступление здесь, в Чикаго.

– Мне об этом ничего не известно, – пожимает правым плечом Грейс. – Зачем ты до сих пор следишь за ним? Мама, живи своей собственной жизнью.

Карина чувствует, как вспыхивают ее щеки. Короткое замечание Грейс выходит слишком уж колким, оскорбительной пощечиной, и больно задевает, в особенности из-за присутствующего здесь Мэтта, человека, который не в курсе непростой истории Карины. Но она верит, что жестокость Грейс была ненамеренной, и душист внутреннее стремление защититься. У них с Грейс за последний год состоялось много разговоров по душам на эту тему. Сейчас, когда Грейс учится в университете, Карина может позволить себе переехать. Может жить в Нью-Йорке, или Новом Орлеане, или Париже. Может бросить учительствовать и вернуться к карьере пиа-

нистки. Может построить новую жизнь. Или хотя бы отыскать ту, от которой отказалась. Может сделать что угодно. Ну или хоть что-нибудь.

– Ну а тебе что за музыкальный талант достался? – интересуется Мэтт у Грейс.

– А я вроде как блистаю в караоке.

– Скорее тускло поблескиваешь. Уверена, что тебя не удочерили?

– Да мы с ней одно лицо.

– Может, тогда в детстве головой вниз роняли?

– Ага, это объяснило бы, откуда у меня такой вкус – я имею в виду мужчин.

На этот раз уже Мэтт толкает Грейс в плечо, а та хихикает. «Мужчин», не «парней». И когда только ее девочка успела превратиться в молодую женщину?

Карине приходит в голову, что Грейс сейчас в том же возрасте, в котором была она сама, когда встретила Ричарда. Они вместе посещали класс Шермана Лейпера по исполнительской технике. Она ничего не знала про Ричарда, кроме того, что он казался ей неловким и безумно воодушевленным. На протяжении почти всего семестра чувствовала, как он смотрит на нее во время занятий, слишком стеснительный, чтобы заговорить. А потом в один прекрасный день он все же решился.

Они оказались на пивной вечеринке в одном из общежитий. Алкоголь придал Ричарду смелости, и он наконец подошел познакомиться. Пиво лилось рекой, усиливая взаимное притяжение, но все-таки окончательно он ее покорила только тогда, когда она услышала его игру на фортепиано. Они были одни в репетиционной, и он исполнял Шумана, Фантазию до мажор, соч. 17. Он настолько погрузился в музыку, что как будто забыл о присутствии девушки. Его исполнение было мощным и при этом нежным, уверенным, мастерским. А произведение – воплощенная романтика, до сих пор одно из ее самых любимых. К тому моменту, когда отзвучала последняя нота, Карина уже влюбилась.

Они занимались сексом утром и ночью, чаще, чем она чистила зубы. Дни Карина проводила, разучивая Баха и Моцарта, а ночи – запоминая каждую черточку своего возлюбленного, первую и последнюю ноту каждого дня они играли на телах друг друга. Охваченные страстью, они кипели ненасытной тягой к фортепиано и друг к другу. Больше ничего не существовало. Карина еще никогда не была так счастлива.

Она понимает, что это ее история, ранние главы ее собственной биографии, и все же чувствует себя совершенно оторванной от нее. Карина помнит тот первый год с Ричардом, и в то же время эти воспоминания, эти кадры рук и ног в скомканных простынях воспринимаются так, словно должны принадлежать кому-то другому, чуть ли не персонажу из давно прочитанной книжки.

Сейчас от одной мысли о том, что Ричард может ее поцеловать, Карину передергивает от отвращения. То, что она его когда-то страстно желала, представляется чистым безумием, а само существование их брака выпадает за рамки реальности. Тем не менее все это случилось на самом деле.

Она наблюдает за тем, как Грейс слушает Мэтта, улыбающаяся, кокетничающая, влюбленная, и гадает о том, какой будет ее история. Карина надеется, что у дочери и в любви и в браке все сложится лучше, чем у нее. *Не повтори моих ошибок.*

Могла ли Карина в свои двадцать расслышать тревожные звоночки сквозь плотный туман похоти? Существовал ли какой-то способ предвидеть, как все повернется? Пожалуй. Ричард всегда был немного нарциссом, эгоистом с хрупкой душевной организацией, самовлюбленным придурком. Она-то по наивности думала, что все это неизбежно прилагается к характеру любого талантливого честолюбивого человека. Так сказать, в довесок. Карина уважала исполнительскую самоотверженность Ричарда и восхищалась его уверенностью в себе. Оглядываясь назад, она понимает, что за самоотверженностью скрывалось отчаяние, а за уверенностью – заносчивость и все в нем всегда было одной только видимостью, трюнь – и картинка рассеется.

И все же в самом своем начале это были пьянящие отношения, из которых обещала выйти красивая история любви. А в итоге все полетело псу под хвост. *Пока смерть не разлучит нас.* Тоже мужская придумка. К тому же глупая. Все когда-то начинается и заканчивается. Каждый день и каждая ночь, каждый концерт, каждые отношения, каждая жизнь. Все рано или поздно приходит конец. Ей только жаль, что их с Ричардом не ждал конец получше.

Сплошная череда из песен поп-исполнителей вроде Эда Ширана, Рианны и Тейлор Свифт резко сменяется композицией Телониуса Монка.

– Мам, слышишь? Когда я была маленькая, ты мне часто играла что-то похожее. Помнишь?

Потрясенная Карина смотрит на Грейс, открыв рот. Той же было тогда года три-четыре!

– Я-то помню. Только не могу поверить, что ты помнишь.

– Какую музыку вы играете сейчас?

– Классику. В основном Шопена, Моцарта, Баха.

– А-а-а, здорово.

– Как случилось, что ты не играешь вот такую музыку? – спрашивает Грейс.

Миллион причин.

– Не знаю.

Грейс смотрит вверх и в сторону, не фокусируя взгляд ни на чем конкретном, и слушает. Звучит композиция «Около полуночи», баллада, которую приятнее всего слушать поздним вечером где-нибудь в отдельной гостиной, и Карине кажется, что в руках у нее сейчас должен быть джин-тоник, а не тыквенный латте. Она мысленно проигрывает звучащую мелодию, представляет, как касается пальцами клавиш, – мышечная память срабатывает, будто готовишь по старинному семейному рецепту, после стольких лет на нее все еще можно положиться. Она чувствует, как ноты отдаются в сердце, и ее охватывает острое томление, граничащее с тоской. Сожаление. Карина слушает, как Монк играет джаз, и ее сердце наполняется сожалением.

Лицо Грейс расцветает в улыбке, глаза сверкают.

– Мне ужасно нравится, а тебе?

Щеки Карины снова вспыхивают. Она кивает:

– И мне.

## Глава 6

В тягучие, смутно сознаваемые мгновения, перед тем как Ричард открывает глаза, на внутренней стороне его век по хрустящей белой бумаге танцуют вновь знакомые черные ноты. Он слышит эти ноты в своей голове, по мере того как мысленно «считывает» их, восходящие арпеджио, что зовут к стоящей у рояля банкетке, точно сладкоголосая сирена. Он открывает глаза. Между задернутыми тяжелыми шторами его спальни пробивается узкая полоска яркого белого света. Еще один день.

Ричард приказывает пальцам левой руки проиграть гаммы на белой натяжной простыне. Такой вот утренний ритуал. Ежедневный экзамен. Он тщательно изучает эту симфонию простых движений, последовательный стремительный ход пальцев вверх-вниз, напоминающий работу иглы швейной машинки, сложный механизм из сухожилий, суставов, вен и мышц, не менее удивительный и важный для него, чем его бьющееся сердце.

Удовлетворенный, Ричард встает, справляет нужду и проходит в кухню, чтобы приготовить завтрак, преодолевая мгновенное, нетерпеливое притяжение своего «Стейнвея». Сидя голым за кухонным островом, Ричард посасывает через соломинку горячий кофе, рассеянно разглядывая собственные ноги. Приказывает пальцам на них пошевелиться. Те слушаются. Изогнув шею и наклонившись вперед, он тянется губами к посыпанному пудрой пончику, зажатому в руке. В левом плече начинает появляться скованность, опускать и поднимать руку становится все труднее. Он старается не задумываться над тем, что этот новый симптом, вероятно, говорит о прогрессировании паралича. Вдруг болезнь остановится здесь, в левом плече. С этим жить можно.

Прихлебывая кофе и откусывая от пончика попеременно, Ричард мысленно разрешает себе заглянуть в кроличью нору и представить, что будет, если болезнь здесь не остановится. Он окидывает взглядом комнату, сузившееся поле зрения выхватывает картинки, похожие на выборку крупных планов из фильма ужасов: круглые ручки шкафчиков (до большинства ему уже не дотянуться), кофемашину, раковину, ручку на двери холодильника, выключатели, телефон, компьютер. Рояль. Обе руки парализует. То есть не будет ни одной. Ни поесть самостоятельно, ни голову почесать, ни задницу себе подтереть. Ричард не сводит глаз с рояля, втягивая в рот остатки кофе. Вдруг болезнь остановится в плече?

Покончив с кофе и пончиком, он едва не поддается желанию облизать кончики пальцев, покрытые белой сахарной пылью, но вместо этого вытирает их о голое бедро. Кофемашину оставит работать на весь день, правда только ради бодрящего аромата, который она будет распространять по всему дому. Больше одной чашки кофе – и начинает трясти.

Позавтракав, он принимает душ, нагибаясь, чтобы вымыть голову. Зашел-вышел, даже зеркало в ванной не успевает запотеть. обстоятельно разглядывает в отражении свою заросшую физиономию. Почти две недели не брился. Он все еще худо-бедно может справиться и левой рукой, но желания напрягаться не было. Может, сегодня побреется.

Хотя он правша, жизнь за роялем научила его владеть обеими руками практически одинаково хорошо. Чувствует себя везунчиком. Улыбается. Но его отраженная в зеркале улыбка обряжена в бороду, которую он не собирался отращивать, и Ричард задумывается обо всех живущих в мире людях, не страдающих от БАС, с двумя здоровыми, рабочими руками и чисто выбритым лицом, и сознание ерничает по поводу ощущения собственной удачливости. Эта улыбка – измена суровой действительности, точно взгляд на мир через идиотские розовые очки. *Что, есть чему улыбаться?* Пристыженный, он гасит улыбку. Губы поджаты, выражение покрытого черными волосами лица мрачное, серьезное, чуть угрожающее – куда более уместный образ для сорокапятилетнего мужчины со смертельным нейромышечным заболеванием. Бороду решено оставить.

Ричард стоит перед стенным шкафом, деморализованный таким множеством рукавов и пуговиц, и подумывает вообще не одеваться. Но вспомнив о том, что готов исполнять, и воодушевившись, выбирает диаметрально противоположный стиль. Достает свой лучший смокинг.

Носки и брюки представляют испытание сложное, но преодолимое. Туфли на шнуровке остались в прошлом. Он сует ноги в лоферы из лакированной кожи. Теперь верхняя половина. Его глаза наполняются ужасом, по мере того как он безнадежно ломает голову над плиссированной рубашкой, жилетом, запонками и галстуком-бабочкой. К черту все это. Он сравнительно легко натягивает рукав смокинга на свою безжизненно висящую правую руку и застегивает одну-единственную пуговицу на голой груди. Ну вот. Готов к выступлению.

Будучи человеком с математическим складом ума, Ричард предполагал, что от игры на рояле одной рукой он будет получать в лучшем случае половину того удовлетворения, какое получает от игры двумя, но ошибался на все сто процентов. Последние три дня он был до помешательства увлечен фортепианным концертом Мориса Равеля для левой руки. Это одночастное произведение длительностью минут пятнадцать при сольном исполнении и восемнадцать при исполнении в сопровождении оркестра было написано для австрийского пианиста Пауля Витгенштейна, потерявшего на Первой мировой войне правую руку.

Ричард с прямой спиной сидит на банкетке, кладет правую руку на колено и переворачивает партитуру, чтобы не видеть нот. В этот раз сыграет по памяти. Заносит левую руку над клавиатурой и ждет. Воображает, что у него в кухне расположились несколько сотен зрителей и дирижер с оркестром.

Концерт открывается во тьме: бурей дурных предчувствий в низком и среднем регистре, торжественно-печальным контрафаготом, рокочущими барабанами. Ричард с сольной партией вступает где-то минуты через полторы. Его рука проходит по клавиатуре от октавы к октаве, поднимая всех над зловещей бурей, навевая видения мерцающего солнечного света. Пальцы левой руки совершенно подчинили себе все восемьдесят восемь клавиш, путешествуя из ада в рай, одной руке прекрасно удастся заполнить богатой вышивкой ткань произведения.

Ричард отчаянно сосредоточен на каждой ноте, но сознание в процесс не включается. Он отработывал Равеля по девять часов в день, и сейчас музыка пульсирует внутри: память о каждом диэзе, стаккато и каждой паузе отложилась как в мышцах руки, так и в мозгу. Нельзя сказать наверняка, направляют ли его глаза пальцы или следуют им в согласии. Музыкант добрался до той волшебной части кривой, где он больше не исполняет музыку. Это музыка его исполняет.

Ричард слышит прихотливую игру в кошки-мышки, переключку между создаваемой им музыкой и мысленным звучанием струн и валторн. Сейчас мелодия возносится к обнадеживающей возможности, каждая нота и воображаемый бой барабанов в ритме марша устремляются к победному исступлению. Все ближе и быстрее, но без спешки, переходя на крещендо, которое вибрирует и постепенно нарастает в теле, как ожидание неминуемого оргазма, он играет вместе с воображаемым огромным оркестром, играет громче, ближе, выше и наконец завершает всё разом героической победой, точно эффектной кульминацией киноэпопеи.

И, с той финальной резонирующей нотой, эта победа – его. Ричард смотрит в затемненную гостиную, шторы все еще задернуты, адреналин выбрасывается в сердце, пока гремят аплодисменты, зрители поднимаются с мест и рукоплещут стоя. Он поворачивается к кухне, чтобы представить оркестр и поблагодарить дирижера. Встает и отвешивает поклон дивану.

В пронзительной тишине своей квартиры Ричард, воодушевленный исполнением концерта Равеля, представляет себе, как повторит это выступление уже на настоящей площадке с настоящим оркестром. Он бы справился. Он бы мог гастролировать с этим произведением, выступая с симфоническими оркестрами как гость по всему миру. Разумеется, справился бы. Его карьера еще не закончена. Агенту эта идея понравится.

Ричард возвращается на банкетку, готовясь отыграть концерт снова. Ставит левую руку на клавиши, но, вместо того чтобы уловить мысленным слухом первые звуки оркестра, слышит только гнетущую тишину пустой квартиры и голос в голове, который, точно чванливый скептик, лишает его уверенности, отговаривает от этого убогого плана.

Ричард поднимает левую руку прямо перед собой. Оказавшись на уровне плеча, она начинает дрожать. Он приказывает ей подняться выше, задействуя по возможности все мышечные волокна, но рука не поддается. В изнеможении он снова опускает ее на клавиши рояля.

Так и не начав сольную партию, в противовес подавляющей тишине и голосу в голове он играет одну-единственную ноту. Ре. Мизинцем. Удерживает клавишу и педаль нажатыми, слушая единичный звук, поначалу дерзкий и трехмерный, а затем плывущий, рассеивающийся, хрупкий, угасающий. Ричард делает вдох. В воздухе все еще витает запах кофе. Музыкант прислушивается. Ноты больше нет.

В каждой сыгранной ноте и жизнь, и смерть.

Может, болезнь ограничится плечом. Голос в голове лучше соображает, что к чему, и требует бросить еще один взгляд в кроличью нору. С руками можно попрощаться.

Ричард оставляет рояль. Уходит в спальню, раздевается и заползает обратно в постель. Агенту не звонит. Лежит на спине, уставившись в потолок, жалея, что не может остановить время, прячась от своего будущего, без всяких сомнений и надежд, зная, что очень скоро будет не просто заглядывать в кроличью нору.

Он будет там жить и умирать.

## Глава 7

Сидя один в унылой смотровой, Ричард ждет Кэти Девилло. На дворе начало октября, и вот уже четвертый раз за минувший год, год без малого, он ждет ее в очередной безликой комнате. Кэти – практикующая медсестра, которая отвечает за предоставление ему медицинской заботы в клинике, специализирующейся на БАС. Здесь используют термин «забота», и в открытую Ричард не возражает, но забота – это совсем не то, что он получает здесь каждые три месяца, когда является на прием. Весь персонал исходит из самых добрых намерений. В этом Ричард не сомневается. Кэти мила и явно переживает за свою работу и за него. Но она – координатор по обеспечению медицинской заботы о пациентах с БАС, в карманах у нее не водится ничего существеннее шпателей для языка.

Эти его посещения клиники сводятся главным образом к сбору данных, ведению хронологии симптомов, усугубление которых указывает на прогрессирование заболевания. По итогам каждых трех месяцев ухудшения становятся все более выраженными, значительными, Кэти и другие отмечают их в самых разных медицинских карточках. Каждый день в клинике представляет собой серию вопросов и ответов, с последующей оценкой изменений от плохого к худшему. Кэти поделится практическими тактиками адаптации, покивает сочувственно и проанонсирует предстоящие увеселения: «Думаете, сейчас плохо? Погодите – и увидите, что будет дальше!» Может, невролог увеличит ему дозу рилутека. А может, нет.

На все замеры уходит не менее трех часов, и к концу каждого дня в клинике Ричард морально раздавлен и разбит. Клянется, что больше он сюда ни ногой. Какой в этом прок? Учитывая, что довольно скоро он будет не в состоянии передвигаться, терять даже час на прощивание в этой комнате с Кэти или в ожидании Кэти, это уж как сложится, представляется вопиющей несправедливостью или по меньшей мере полнейшей безответственностью. И все-таки он возвращается. Делает все, что ему говорят, чему и сам удивляется, поскольку слепое послушание совсем не в его характере.

Если бы ему пришлось поспорить на палец своей левой руки, грозящей в ближайшем будущем отказать, он признался бы, что исправно ходит в клинику на каждый прием, потому что все еще надеется. Вдруг случится революционное открытие, появится новый лекарственный препарат, нуждающийся в клинических испытаниях, что-либо замедляющее развитие болезни, новый метод лечения? Такое может произойти. Какова была вероятность того, что уроженец сельского «живи свободным или умри»<sup>8</sup> Нью-Гэмпшира, парнишка, который должен был уделять все свое время футболу, тракторам и «Бад-Лайту», станет всемирно известным концертирующим пианистом? Наверное, такая же, как у открытия каким-нибудь ученым лекарства от БАС. Это может случиться. Вот он и ждет Кэти.

Наконец она входит в смотровую, раскрасневшаяся и запыхавшаяся, словно неслась из другого крыла больницы. На Кэти очки в черепаховой оправе, расстегнутая черная вязаная кофта, белая блузка навыпуск, слишком короткие брючки и туфли на плоской подошве, в которых удобно бегать по больничным коридорам, – по внешнему виду скорее библиотекарь, чем медсестра. Здороваясь, она одновременно моет руки, затем усаживается в кресло напротив Ричарда и читает записи ухудшений трехмесячной давности, его новой нормы, предательского края, с которого ему предстоит прыгнуть вниз.

Кэти поднимает на Ричарда взгляд и вскидывает брови:

- А где Максин?
- Расстались.
- Ох, простите.

---

<sup>8</sup> «Живи свободным или умри» – официальный девиз штата Нью-Гэмпшир.

– Ничего страшного.

За исключением Максин, отношения Ричарда с женщинами заканчивались еще до того, как успевало скиснуть молоко в холодильнике. В основном они знакомились с ним после выступления, на коктейльной вечеринке для важных особ или на приеме по сбору средств на благотворительность. Ошеломленные и очарованные встречей со знаменитостью, они западали на него крепко и быстро, не обращая внимания на кольцо, которое он носил, пока был женат. Поначалу эти женщины еще мирились с перепадами его настроения и не слишком переживали из-за того, что он посвящал роялю гораздо больше времени, чем им. Они видели его страсть к музыке Брамса, Шопена и Листа, ту любовь и самоотдачу, на которые он был способен, и рассчитывали, что им щедро перепадет от этих его талантов. Увы, ко всеобщему разочарованию, ни одну женщину он не смог полюбить так, как любит фортепиано. Даже Карину.

Так что женщин неизбежно настигало чувство разочарования, одиночества и недовольства своей ролью второй скрипки. Третьей, если они сознавали, что в очереди перед ними есть еще и его жена. Первое время они старались куда как упорно. Это никогда не срабатывало. Он не знает почему. Может, людям не под силу испытать больше страсти, чем им отмерено. Пирог нельзя делить на куски до бесконечности. Что до Ричарда, то весь он, за исключением самой малой крупинки, принадлежит фортепиано. Женщин он любит, как и всякий мужчина, является их ценителем, вот только они, по сути дела, испытывают с ним муки голода. А кормить их он отказывается. Их привлекает его мастерство пианиста. И рано или поздно отвращает его бездарность как мужчины.

Увязнув в своем нежелании признать очевидное, Ричард начал встречаться с Максин через два месяца после постановки диагноза. Она не замечала ни того, что ему было не поднять правую руку выше плеча, ни того, что он всегда держался справа, чтобы брать ее руку в свою левую. Он мог говорить немного невнятно по вечерам, когда утомлялся, ну так они вроде только что распили на двоих две бутылки вина. А потом, однажды утром, она застала его в слезах, сидящим за роялем со сложенными на коленях руками, и он во всем сознался.

Вместо того чтобы сбежать без оглядки, она засучила рукава. Акупунктурист по профессии, она была убеждена, что сумеет его спасти. Но никакие иглы, банки или прижигания не действовали, и его правая рука постепенно превращалась в камень. Максин продолжала бороться, но оба понимали, что все ее попытки помочь ему утратили искренность.

Ее удерживала рядом порядочность, приправленная чувством вины. Ситуация была нездоровой для них обоих. Секс стал быстрым и скучным. Она начала бояться его тела. Он почувствовал безразличие к ней. Заикнулся на ее недостатках. Слишком ярко красила глаза. Дурно пахло изо рта. Не была достаточно красива, достаточно интересна, достаточно притязательна. У нее претензий накопилось не меньше.

На протяжении четырех месяцев они ругались, дулись друг на друга и молча ходили вокруг да около истинной причины, по которой их отношения были обречены. Именно столько времени ему понадобилось, чтобы набраться мужества и расстаться с ней. Она и не протестовала. Они постояли обнявшись, а потом она вышла за дверь. Это был самый бескорыстный поступок в его жизни.

– Кто-нибудь за вами присматривает?

– Нет. Я сам нормально справляюсь.

– Вам потребуется помощь. Родителей, родственника, друзей. Можно нанять частную сиделку, помощников по уходу на дому, но это обойдется в круглую сумму. У вас есть к кому обратиться?

– Мм... да.

Его мать в сорок пять умерла от рака шейки матки. Ричарду сейчас тоже сорок пять. Судя по всему, это трудный возраст в его семье. С отцом они уже много лет не разговаривают. Оба брата живут в Нью-Гэмпшире. Работают по полной, пока жены заняты маленькими детьми. Не

вариант. Грейс в университете, где ей и положено быть. Он так и не сказал ей. Не знает как. Следующей у него в списке идет Карина, но он тут же отказывается от этой идеи. Да ни за что!

– А что у вас с условиями проживания? Нашли новое жилье?

– Нет. Меня все устраивает в имеющемся.

– Ричард, вы живете на четвертом этаже в доме без лифта. Как ни крути, вам необходимо переехать в новое место как можно быстрее, пока вы еще обходитесь без коляски. Вам понадобятся лифты, пандусы. Договорились?

В его прямом взгляде ни намек на согласие. Он еще в состоянии передвигаться на своих ногах. С чего вдруг ему скоро понадобится коляска? Ричард понимает, что к этому все идет, но не может вынудить себя представить такую картину полностью. Заглядывает в большие карие глаза Кэти. Эта может представить. Запросто.

– Ну рассказывайте, как у вас дела.

– Началось и в левой руке. Не могу поднять ее выше плеча, и пальцы немного ослабли. Ничего тяжелого поднять не могу. Все роняю. Хожу в целом нормально.

– В целом?

– Да.

– Ладно. А как едите, пьете, разговариваете?

– В целом нормально.

– Хорошо, сейчас проверим эти ваши «в целом», посмотрим, что там с ними. Давайте начнем с левой руки. Расставьте пальцы и не давайте мне их свести.

Ричард растопыривает пальцы, отчего кисть становится похожа на морскую звезду. Кэти в секунду без каких бы то ни было усилий их сжимает.

– Вытяните руку перед собой и не давайте мне ее опустить. Спротивляйтесь.

Она несильно надавливает, и его рука безвольно падает вдоль тела. В свой последний визит он все еще мог пользоваться обеими руками, мог их поднять по ее просьбе. Но его правая рука не выдерживала ни малейшего намека на усилие со стороны Кэти, и Ричард вспоминает тот ужас, который окатил его ледяным голубым потоком, холода сердце, когда он понял, что сил в той руке почти не осталось и что он вот-вот потеряет возможность ею пользоваться, потеряет окончательно и бесповоротно. Помнит, как подумал: «Ну хоть левая рука пока есть». Бросает беглый взгляд на свою висящую вдоль тела левую руку, поверженную и пристыженную, и понимает, как будет выглядеть это простейшее по своей сути упражнение через три месяца.

– Соедините большой и указательный пальцы в кольцо так, чтобы получился знак ОК. Держите пальцы крепко и не дайте мне их разъединить.

Она с легкостью их разъединяет.

Так бы и врезал этой милой женщине по лицу своей немощной рукой.

– Теперь изобразите широкую улыбку, такую широкую, чтоб до тошноты. Как у Хиллари. Изображает.

– Теперь вытяните губы гузкой. Как Трамп.

Вытягивает.

– Откройте рот и не давайте мне его закрыть.

Ричард открывает рот. Она прижимает ладонь снизу к его подбородку и уверенно возвращает нижнюю челюсть в исходное положение.

– Высуньте язык и не давайте мне им двигать.

Орудая палочкой от эскимо, она надавливает ему на язык сверху, справа и слева, сдвигая его то в одну, то в другую сторону.

– Хорошенько облизите губы.

Ее взгляд следует за круговым движением его языка.

– Надуйте щеки. Когда я по ним хлопну, постарайтесь не размыкать губ.

Он не справляется.

– Есть трудности при высмаркивании?

– Нет.

– Со слюноотделением?

– То есть не пускаю ли я слюни?

– Ну да.

– Нет.

– А как с откашливанием? Есть трудности?

– Вроде нет.

– Давайте проверю. Сильно покашляйте. Ну-ка прочистите горло как следует.

Ричард пытается сделать глубокий вдох, но его хватает на меньшее, чем он ожидал, – кашель выходит поверхностным, а изо рта вылетают капельки слюны. Смущается. Хотел откашляться точно лев, а получился котенок, срыгивающий клочок шерсти.

– Наберите побольше воздуха и пропойте ноту, потяните ее как можно дольше. Готовы? Давайте.

Он выбирает до первой октавы. Дыхания ему хватает секунд на пятнадцать. Это нормально? Кэти ничего не говорит.

Она идет к раковине и набирает воду в пластиковый стаканчик.

– Держите. Сначала сделайте несколько маленьких глотков, потом залпом выпейте все, что останется.

Он так и делает, а она тем временем, кажется, внимательно рассматривает что-то в районе его адамова яблока.

– С приемом лекарств есть трудности?

– Нет.

– Хорошо. Прием таблеток – сложнейшее проявление глотательного рефлекса. Так что это замечательно. Вода самая текучая из жидкостей, с ней будет труднее всего. Кофе пьете?

– Да.

– Какой предпочитаете?

– Черный.

– Ладно, нужно будет перейти на кофе со сливками. Все жидкости должны быть погуще. Так они будут менее текучими. Водянистые жидкости могут привести к удушью. Как с весом?

Она перелистывает пестрящие разнообразными записями страницы его медицинской карты.

– Похудел на несколько фунтов.

Еда превратилась в унылую, но необходимую повинность. Все, что предполагает использование ножа и вилки, исключено из меню. Филе-миньоны средней прожарки из стейкхауса «Гриль 23» остались в прошлом. Чтобы открыть банку с закручивающейся крышкой или упаковку любимого сыра, развязать бечевку на пакете со свежей буханкой хлеба, требуется взаимодействие между левой рукой, коленями и зубами вкупе с терпеливой настойчивостью, которой Ричарду зачастую не хватает. Будучи не в состоянии в конце дня поднять руку хотя бы до уровня плеча, он вынужден опускать голову, чтобы достать вилкой или ложкой до рта. Процесс этот трудоемкий, вид при этом неопрятный и откровенно дурацкий; не в силах справиться с переживаниями о том, как смотрится со стороны, он попросту отказывается есть на публике. Прежде обеды и ужины в ресторанах были той частью общественной жизни, которой он наслаждался. Сейчас он чаще всего заказывает еду на дом и ест в одиночестве.

А еще он начал давиться. Должно быть, мышцы, которые обеспечивают безопасное прохождение пищи из полости рта по пищеводу в желудок, слабеют, потому что иногда пища застревает на полпути или, того хуже, попадает не в то горло. А как они только что убедились, сил откашляться у него теперь как у котенка, поэтому кусочек крекера уже не раз представлял для Ричарда угрозу для жизни. Его едва не прикончил крекер... Этим он с Кэти не делится.

– Ладно, ага, за последние три месяца похудели на семь фунтов. Вес надо будет стабилизировать. Придется побольше есть. Вам нужны продукты и жидкости с высоким содержанием жиров и высокой плотностью.

– Хорошо.

– Не жалейте сливок в кофе, масла на хлеб, мороженого на пирог.

– Все как рекомендует мой кардиолог.

– Сердечно-сосудистые заболевания – это последнее, о чем нам стоит переживать.

Точно. Инфаркт бы сейчас сошел за подарок судьбы.

– Поднимите, пожалуйста, правую ногу и не давайте мне ее опустить.

Он сопротивляется все возрастающему давлению на протяжении многих секунд, но в конце концов выдыхается. Они проделывают то же самое упражнение с его левой ногой – с тем же успехом.

– Хорошо. Замечаете за собой отвисание стоп, бывают падения?

– Нет.

Ричард врет. Сердце частит, пока он выжидает, догадается она или нет. На прошлой неделе он запнулся правой ногой о ступень переднего крыльца и здорово расшибся: при падении сильно приложился подбородком с правой стороны и подмял под себя парализованную руку. Длинный рукав рубашки скрывает огромные, расплзшиеся по всей правой руке синяки, а борода, по всей видимости, достаточно густая и темная, чтобы замаскировать затянувшуюся корочкой рану на подбородке.

Кэти постукивает его по коленям, проверяя рефлексы. Выполняет разные тесты на силу мышц ног. По итогам присуждает ему оценку «удовлетворительно».

– Судороги случаются?

– Нет.

– Ноги пока выглядят неплохо. Но вот рука сдает, поэтому пользоваться тростью или ходунками, когда ноги ослабнут, не выйдет. На получение кресла-коляски с электроприводом уходит от трех до шести месяцев, поэтому попросим отделение физиотерапии подать на вас заявку уже сейчас.

Он снова смотрит на нее ничего не выражающим взглядом. Пусть заказывает, если хочет, но он своего одобрения не даст ни кивком, ни намеком.

– Меня беспокоит ваша дисфагия и потеря веса. Вы уже задумывались насчет установки питательного зонда?

Да, и лишь одна мысль пришла ему в голову: даже думать об этом не хочется.

– Нет.

– Тогда доктор Принс расскажет вам, что к чему, и назначит вас на процедуру, если вы на нее все-таки решитесь.

У него были запланированы выступления в Чикаго, Балтиморе, Осло, Копенгагене. В его планах должны стоять фортепианные концерты, а не операция по установке зонда для искусственного питания. Перед глазами все плывет.

– Дышите вы, судя по всему, пока уверенно. Потом вам нужно будет проконсультироваться на этот счет. Доктор Ким проведет более тщательный осмотр.

Доктор Ким – пульмонолог.

– Голос уже записали?

– Нет.

– А собираетесь?

– Не уверен.

– Пожалуй, есть смысл озаботиться этим сейчас. Когда придет время, вы всегда сможете использовать искусственный голос, синтезированный компьютером, но ведь здорово сохранить возможность говорить своим собственным. Парень, который занимается технической сторо-

ной вопроса, работает в детской больнице. Его координаты получите уже сегодня, до ухода из клиники. Я прослежу. Если желание есть, я бы на вашем месте тянуть не стала.

Кэти листает его медкарту, делая карандашом какие-то пометки – Ричарду их не разобрать, – потом поднимает на него глаза и удовлетворенно улыбается:

– У меня всё. У вас есть какие-нибудь вопросы? Может, я могу помочь, если вам что-то нужно?

Ну-ка поглядим. Что же ему нужно? Ему нужно записать свой голос, потому что скоро он уже не сможет говорить и в противном случае будет звучать как Стивен Хокинг или вообще останется безъязыким. По всей вероятности, нужен зонд для искусственного питания. Определенно нужно кресло-коляска, причем в самое ближайшее время. Ему нужна новая квартира с лифтом и пандусом. Ему нужен кто-то, кто будет за ним ухаживать.

Слишком много всего. Не переварить. Слишком многое он теряет и слишком во многом нуждается в одно и то же время. Старается сосредоточиться на самом насущном. Отказ левой руки. Он останется без рук. Не сможет больше самостоятельно питаться, самостоятельно одеваться, самостоятельно мыться. Выгребет все до цента с банковских счетов и наймет помощников. Не сможет работать на компьютере. Будет печатать большими пальцами ног.

Потеряет фортепианный концерт Равеля для левой руки. Больше никогда не сыграет на рояле.

Это та потеря, которую он представлял себе в самых мельчайших подробностях с первых, слабых еще признаков болезни, именно она выхолащивает самое его нутро, лишает сна и заставляет испытывать желание прямо сейчас наглотаться таблеток и покончить с жизнью. Ведь какая у него может быть жизнь без фортепиано?

И все же не эта потеря неожиданно оглушает его и повергает в панику, да так, что он не в состоянии сглотнуть скопившуюся во рту слюну. Ричард снова думает о Максин, вспоминает, как они обнялись на прощание. Он до сих пор мысленно ощущает ее тело в своих руках, ее грудь, прижавшуюся к его груди, влажную щеку на плече, дыхание на шее. В воспоминании об этом объятии ему чудится извинение, полная трагизма история любви. Он первым ее отпустил. Максин быстро последовала его примеру, выскользнула из рук и ушла из его жизни. Сейчас он жалеет, что не задержал ее хотя бы ненадолго.

Он вот-вот останется без левой руки. Три месяца назад он в последний раз обнял Максин. Могло то объятие стать последним во всей его жизни?

Ричард нервно сглатывает, но давится слюной, и кашель быстро перерастает в плач. Кэти предлагает ему салфетку. Он униженно ее принимает. Но потом решает, что ему все равно. Чего она не видела в этой смотровой? Он тратит еще три салфетки: отплеивается, кашляет, плачет и пускает слюну, затем берет себя в руки и, когда возвращается голос, признается:

– Мне нужно, чтобы меня обняли.

Кэти, не раздумывая, отставляет коробку с салфетками и становится перед ним. Ричард поднимается, подаваясь ей навстречу, и она заключает его в крепкие объятия. Он заливает ее кофту слезами, у него капает из носа, но Кэти будто бы не замечает этого. Ричард обнимает ее левой рукой, прижимая к себе, она отвечает ему тем же, и их телесный контакт становится для него той связью с другим человеческим существом, что кажется ему не менее необходимой, чем воздух, которым он все еще дышит.

Поначалу он не может сообразить, как назвать этот элемент. В этой связи нет надежды. В ней нет сочувствия. Она не соткана из любви.

Забота.

Ричард выдыхает, не размыкая объятий. Кэти остается в них.

Это забота.

## Глава 8

Пока соседи еще спят, Карина стоит на дорожке перед своим домом и ждет Элис. Холодный воздух атакует ее, пробираясь под одежду, и Карине хочется, чтобы Элис скорее появилась и можно уже было разогнать по жилам кровь. Она обхватывает себя за плечи, наблюдая за белыми облачками пара, – они вырываются у нее изо рта и, рассеиваясь, поднимаются в небо, словно возвращаясь к облакам. Сообразив, что стоит под одним из исполинских дубов, которыми обсажена ее улица, Карина отходит на несколько футов к середине дороги. Поднимает лицо к небу, стараясь поймать тепло солнца, но оно еще не взошло. Наконец дверь открывается, и на пороге возникает Элис.

– Прости. Никак не могла найти перчатки.

Ступая в ногу, они молча идут через свой чистенький район мимо ухоженных дворишков; гаражей на два автомобиля; пока еще темных окон, украшенных сделанными в школе фигурками привидений и ведьм; веранд, служащих пристанищем для фонарей из тыквы с выразительно вырезанными рожицами; горшков с зеленой и красно-фиолетовой листовой капустой и морозостойкими золотыми хризантемами. Карина, не останавливаясь, подхватывает с тротуара фантик от ириски «Тутси ролл» и кладет его в карман. Они с Элис не начнут разговор, пока не доберутся до пруда. Карине не терпится побыстрее там оказаться, и она немного прибавляет шаг. Элис без вопросов делает то же самое.

Вот уже три года они раз в неделю отправляются вместе на утреннюю прогулку. Хотя соседками они стали совсем недавно, познакомились Карина и Элис двадцать лет тому назад на ужине, устроенном для преподавателей Консерватории Новой Англии. Ричард тогда только получил крайне желанную должность преподавателя на кафедре фортепиано. Ради этой престижной работы они оставили Нью-Йорк, джазовую сцену клубов «Смоллз» и «55 Бар», сообщество набирающих популярность музыкантов, с которыми Карина участвовала в джемах и которых любила, регулярные выступления по выходным и многообещающий задел для карьеры ее мечты.

Согласившись на переезд, Карина не осознавала, насколько неравноценны для нее Нью-Йорк и Бостон. Часто гадала, насколько хорошо понимал это Ричард, прежде чем они собрали вещи и снялись с насиженного места. Выросшая в другой стране, Карина простодушно решила, что в Бостоне имеется своя серьезная джазовая культура и, разумеется, она найдет там новые продвинутые клубы, встретит новых талантливых исполнителей, откроет для себя новые возможности для самовыражения и работы. Оказалось, в Бостоне любят концерты классической музыки Бостонского симфонического оркестра и «Попс»<sup>9</sup> в Симфони-холл и Эспланаде. Бостонцы – преданные фанаты местных рок- и поп-групп, таких как «Аэросмит», «Дропкик Мёрфис» и «Нью Кидс он зе Блок».

В Нью-Йорке, Новом Орлеане, Берлине, Париже, даже в Чикаго джаз считается нонконформистским и глубоко уважаемым видом искусства. В Бостоне как таковой джазовой сцены не существует. Все музыканты, которые выступают в горстке городских джазовых клубов, – заезжие гости: приехали и уехали. Они не живут здесь, не дышат этим воздухом. Карина осознала эту убийственную правду, не успев даже распаковать обеденные тарелки, и возненавидела себя за свою наивность, за то, что ее оказалось так легко обвести вокруг пальца, – как будто ей пообещали суши в мексиканском ресторане, а она даже не подумала попросить меню.

Но том первом факультетском ужине Элис показала Карине лучиком надежды. Контрабасистка и преподаватель современной импровизации, Элис вела разговоры о регтайме,

---

<sup>9</sup> «Попс» – «Boston Pops Orchestra», оркестр, исполняющий легкую классическую и популярную музыку. Состоит в основном из музыкантов Бостонского симфонического оркестра.

об Уинтоне Марсалисе<sup>10</sup> и африканском джазе. Годом ранее она записала альбом со своими студентами; это, конечно, уровень университета, а не «Блю ноут»<sup>11</sup>, но все равно впечатляет. Карина не могла дожидаться возможности снова с ней пообщаться, расспросить – вдруг получится сыграть где-нибудь, или поприсутствовать на одном из ее занятий, или даже самой взяться за преподавание. Но следующий ужин Элис пропустила. У нее диагностировали агрессивную форму рака груди, и она взяла вынужденный отпуск на лечение.

Потом Карина неожиданно забеременела Грейс, а Ричард ушел из Консерватории Новой Англии ради того, что обернулось бесконечным годом гастролей, поэтому факультетских ужинов больше не было. Со временем Карина забыла об Элис. Погрузилась в состояние постоянного напряжения, ответственности и одиночества, сопутствующее круглосуточному материнству, примирилась с жизнью в гигантской тени Ричарда, более сумрачной, одинокой и неизбежной, чем предзвездное небо хмурого ноябрьского утра.

Хотя Карина вовсе не планировала становиться матерью, она отчаянно полюбила Грейс, стоило той появиться на свет. Карине и в голову не пришло бы предпочесть дочери ту жизнь, которой жил Ричард, – отсутствовать неделями, целиком посвящать свои дни, недели, годы карьере. Даже когда муж был дома, он занимался по восемь – десять часов в день. Вроде был, а вроде и не был.

Она не могла и подумать о том, чтобы разлучиться с Грейс и пропустить какие-то значимые для нее моменты. Хотела быть рядом, когда ее дочь открывает для себя мир: волшебство первой в жизни радуги, прикосновение собачьего языка и мягкость шерсти, нежность и сладость вкуса ванильного мороженого. Карина хотела быть тем, кого Грейс видит, когда просыпается, кто обнимает ее, когда она плачет, целует ее по сотне раз на дню. Она не могла отказаться от этой огромной, драгоценной любви, от этого дара. Грейс она любила больше, чем фортепиано.

А если она сделала выбор в пользу Грейс, а не фортепиано, потому что больше любила дочь, то получается, что Ричард вовсе не любил Грейс. Это была мантра, которую она сама сочинила и читала себе на протяжении многих лет. Стало быть, он какое-то самовлюбленное чудовище, раз не любит собственного ребенка, и Карина его за это ненавидела. Выстроила против него целое дело, все расписала, уважительных причин у обвиняемого быть не могло. Однако сейчас, оглядываясь в прошлое, она признается себе, что выводы ее были слишком категоричными и не обязательно верными. Любовь не измеряется часами присутствия. Карина впервые задумывается о том, когда Ричард начал ходить налево: до или после того, как она его возненавидела?

В какой-то момент, не вспомнить точно, когда именно, она отказалась от всякой надежды построить карьеру джазовой пианистки. Эта цель стала слишком невообразимой, детской, глупой. Сейчас, во время прогулки, Карина размышляет об этом. Смутная мечта о намеченной, но несбывшейся жизни представляется Карине той кометой, что прочертила когда-то на ее глазах огненный след в ночном небе: она была видима одно мимолетное, захватывающее мгновение, после чего исчезла снова на сотню лет.

Пока Карина воспитывала Грейс и ненавидела Ричарда, Элис победила рак груди, устроилась преподавать в музыкальный колледж Беркли, развелась с мужем и начала встречаться со своим радиотерапевтом. Они поженились и четыре года назад переехали из самого Бостона в пригород, в дом прямо напротив Каринино. Родственные души воссоединились. Карина до сих пор изумляется этому стечению обстоятельств, и в ее католическом мозгу не может не мелькать мысль о том, что Бог привел сюда Элис не просто так.

---

<sup>10</sup> Уинтон Марсалис – американский джазовый трубач и композитор.

<sup>11</sup> «Блю ноут» – «Blue Note Records», легендарный джазовый лейбл, названный в честь характерных нот блюзового лада. Также название «Блю ноут» носит джаз-клуб в Нью-Йорке.

Когда они проходят мимо кладбища Оук-Хилл, в сознании Карины всплывает сегодняшнее число – первое ноября, День Всех Святых, государственный праздник в Польше. В детстве Карина проводила весь этот день с родными на кладбище. Так делали все. Сейчас, после того как она прожила всю свою взрослую жизнь в Соединенных Штатах, эта традиция кажется чересчур уж болезненно-мрачной и жутковатой, даже в сравнении с Хеллоуином, но это не умаляет ее привлекательности в глазах Карины. Она помнит белые поминальные свечи на могильных плитах, пятнышки света, рассеянные вокруг на сколько хватает глаз, словно звезды во Вселенной.

Помнит, как собиралась вся ее семья: родители, тетки, дядя, двоюродные братья и сестры – и как они рассказывали о тех, кого уже нет в живых. Она смаковала ощущение неизблемости, которое испытывала, слушая эти разговоры, чувство связи с семейной историей, точно была одинокой бусинкой, нанизанной на бесконечно длинную, уникальной красоты цепочку. Ей нравилось слушать, как ее бабушки и дедушки с обеих сторон знакомились, встречались, женились, заводили детей. Она помнит, как разглядывала их выбитые на надгробиях имена, представляя себе жизни, о которых едва ли что-то знала, и то обоюдоострое чувство важности и незначительности, рока и случайности, которое они до сих пор пробуждают, словно каждое мгновение этих четырех судеб должно было сложиться определенным образом, иначе ее, Карины, не было бы на свете.

Они доходят до грунтовой дорожки, которая огибает пруд петлей в три мили длиной. Здесь-то они и поговорят, словно оказавшись наконец достаточно далеко от соседских ушей: деревья сохраняют их слова в секрете, а так тут и нет никого – разве что канадские гуси в воде да редкий бегун или хозяин, выгуливающий собаку.

– Как дела в колледже? – Это всегда первое, о чем спрашивает Карина, приглашая к разговору, который ее одновременно воодушевит и измучит, – словно она бывший алкоголик, умоляющий о глотке вина.

– Хорошо. Очень уж мне нравится эта новая студентка, Клэр, я тебе о ней рассказывала. У нее замечательный слух, и она совершенно не боится прослушиваний и своих ошибок. Ты должна прийти послушать ее. Через две недели у класса будет концерт.

– Ладно.

– А еще мы планируем организовать для студентов поездку в Новый Орлеан. В этом году ты точно должна поехать.

– Посмотрим.

Карина и на этот раз никуда не поедет. Элис приглашает ее на всевозможные выступления, уроки, гостевые лекции и каждый год – съездить в Новый Орлеан, но Карина от всего отказывается. Раньше прикрывалась Грейс. Не могла поехать, потому что Ричард на гастролях, а дом не бросить. Сейчас, когда ее «отговорка» учится в Университете Чикаго, ей надо бы придумать какое-нибудь новое оправдание. Вечером, на который запланирован концерт, она, к примеру, совершенно выбьется из сил. Или, скажем, отправится повидаться с Грейс на той же неделе, когда Элис со своими студентами будет в Новом Орлеане. Мысль о том, чтобы окупнуться в джазовую атмосферу Нового Орлеана, тот волшебный коктейль из гитарных риффов дельта-блюза, рваных ритмов нахальных духовых и чувственных мотивов французских цыган, причиняет Карине нестерпимую боль. Свадьбы нравятся любой девушке, но только не тогда, когда жених – утраченная любовь всей ее жизни.

– Может, как-нибудь ты все-таки согласишься с нами сыграть.

– В следующий раз.

Элис играет на контрабасе в оркестре современной импровизации под названием «Диш пэнс»<sup>12</sup>. В его составе – преподаватели из колледжа Беркли, Консерватории Новой Англии и

---

<sup>12</sup> Букв.: лоханки для мытья посуды.

музыкальной школы Лонги. Выступают они в основном в богемных ресторанах и хипстерских барах, где постоянно звучит живая музыка. Карина неизменно отвечает «в следующий раз», и ей хотелось бы верить, что так и будет. Она почти каждый день играет сама и учит других играть на фортепиано, однако ограничивается классикой: Шопеном, Бетховеном, Шуманом, Моцартом. Ноты уже на странице, и Карина исполняет композиции с раболепным благоговением католического священника, зачитывающего отрывок из Библии, или актера, цитирующего Шекспира.

Джазовая импровизация все равно что речь без сценария. Вот тебе двенадцать нот – и делай с ними все, что душе угодно. Нет ни правил, ни ограничений. Произвольный порядок слов. Никакой силы тяжести. Верх и низ могут поменяться местами.

А еще это совместное творчество. В последний раз она играла с кем-то джаз еще до рождения Грейс. Мысль о том, как давно это было, каждый раз разбивает ей сердце. Это можно было бы исправить, воспользовавшись предложением Элис. Что, если следующий раз будет сегодня? Дыхание Карины становится поверхностным, а ветерок с пруда остужает испарину на лбу. Ей отчаянно не хватает практики. Слишком давно это было. Бегун, годами прикованный к постели травмой ахиллесова сухожилия, не может просто так взять и заявиться на отборочный турнир к Олимпиаде. Карина представляет, как играет с опытными и успешными музыкантами, и страх своей заведомой и сокрушающей несостоятельности запирает ее самое заветное желание на замок.

– Мне тут надо кое в чем признаться, – говорит Элис. – Я была у Ричарда.

Карина останавливается на полушаге, каждая мышца застывает в незавершенном усилии, окаменев от ошеломляющего предательства.

Элис замирает в нескольких шагах впереди и оборачивается:

– Звонила Роз из консерватории. Мило с ее стороны вспомнить обо мне. Она собрала тех, кто знает Ричарда еще со времен его преподавательства. Мы пошли к нему все вместе. Мне показалось, так было правильно.

Нехотя удовлетворившись этим объяснением и горя любопытством, Карина трогается с места. Женщины идут бок о бок.

– Ну и как он? – спрашивает Карина с опаской, словно касается ногой поверхности мутной воды.

– У него полностью парализованы руки. Тяжкое зрелище.

Заложенное многими месяцами назад и ранее спящее в желудке Карины зерно пускает корни. *Это и в самом деле происходит.* Во время их последней встречи в июле Ричард выглядел и вел себя совершенно нормально, не считая момента, когда он не смог откупорить бутылку вина. Карина не теряла надежды, что его диагноз окажется уткой или ошибкой. Она все еще его ненавидит, но ощутимо меньше, чем в прошлом году, и ни разу не желала ему смерти с тех пор, как они развелись. Да она бы никому не пожелала заболеть БАС, даже Ричарду! Все ждала, что в газетах напечатают опровержение, что гастроли все-таки состоятся, что слухи о его близкой и неотвратимой смерти сильно преувеличены...

– Я собиралась высказать ему за тебя свое «фи», но у него руки бессильно висели вдоль тела, точно плети, а в комнате стоял рояль, и мы все старательно делали вид, будто его там нет. Никто и полусловом о нем не обмолвился. Слишком все это было грустно.

Ричард без рояля. Рыба без воды. Планета без солнца.

– Ну и как он вам показался?

– В хорошем расположении духа. Рад был со всеми нами увидеться. Но очень уж старался излучать оптимизм, как будто играл на публику.

Они продолжают идти молча, и в тишине прорезаются звуки – шорох ступающих по грунтовой дорожке кроссовок, приглушенный ковром бурых сосновых иголок, а затем хруст сухих, оттенка крафтовой бумаги дубовых листьев, сопение Элис, дыхание обеих женщин.

– Грейс в курсе? – спрашивает Элис.

– Нет, если только кто-нибудь ей не рассказал. Я бы знала, если бы она была в курсе. Нет, честно, до нашего сегодняшнего разговора даже я не была стопроцентно уверена в его болезни.

Грейс. У нее разгар промежуточной сессии. Сообщить ей прямо сейчас эту новость было бы жестоко. Девочка может стать рассеянной и завалить экзамены. И почему только Ричард ничего ей не сказал? Разумеется, он ничего ей не сказал.

– Может, мне стоит еще раз к нему навеститься, – размышляет Карина.

– Это в тебе говорит чувство вины, присущее всем католикам.

– Ничего подобного.

– Вспомни, что случилось в прошлый раз?

– Да знаю я.

– Встречи с ним тебе не на пользу.

Ричард всегда казался Карине несокрушимым, он мог одолеть что угодно и всякий раз побеждал. Он представлял собой неуправляемую силу, которая внушала Карине благоговение и робость, а в моменты наибольшей уязвимости совершенно ее раздавливала. Теперь в уязвимом положении находился он, и она не может не задаваться вопросом, каково ему оказаться на другом конце стола.

– Это да, но...

– На что ты надеешься? На «вторники с Морри»?<sup>13</sup>

– Не знаю.

– Милая, это все еще Ричард.

– Поверь мне, я знаю, кто он.

– Просто не обожгись.

– Не обожгусь, – отвечает Карина без всякой уверенности в голосе.

---

<sup>13</sup> Отсылка к документальной книге Митча Элбома «Вторники с Морри, или Величайший урок жизни», в которой описывается история Морри Шварца, профессора, умирающего от бокового амиотрофического склероза.

## Глава 9

Шагая по Коммонуэлс-авеню, Карина в одной руке несет прикрытую фольгой тарелку с варениками, в другой – бутылку красного вина за пятьдесят долларов. И в придачу оттягивают плечи несколько месяцев неотступного чувства вины. Стоит свинцовое ноябрьское утро, идет сильный дождь, но обе руки заняты, и зонт не открыть, а идти еще четыре квартала. Карина прибавляет шаг, почти переходя на бег, и ветер срывает с ее головы капюшон. *Черт*. Ну как тут натянешь его обратно?

Непогода разбушевалась, и, поскольку Карина – единственный пешеход в зоне видимости, кажется, будто воюет стихия именно с ней. Капли дождя барабанят по алюминиевой фольге пулеметными очередями. Жгуче-холодный ветер больно жалит лицо. Дождь пропитывает насквозь носки, брюки и волосы, как в наказание холодит кожу. Карина считает, что это Ричард во всем виноват. Не спровоцируй он ее, она бы сейчас так не мучилась. Разумеется, она не смогла остаться в стороне. Прямо как всегда. Такое впечатление, будто она запрограммирована реагировать на него: бездумно и немедленно ойкать на каждый его щипок.

Когда Карина оставила свой дом, даривший чувство безопасности, дождь уже шел, и она понимала, что вряд ли найдет свободное парковочное место где-то ближе чем за четыре квартала от жилья Ричарда. Можно было бы выждать еще один день. Прогноз на завтра обещает холодную, но ясную погоду. Но вчера вечером она приготовила вареники, и ей надо хоть в этом повести себя с Ричардом правильно, поступить по совести, исполнить епитимью и покончить с этим. *Carpe diem* – лови момент. Чертова погода.

Сосредоточив все внимание на цифрах, указанных на двери – а там, за дверью, обещают и сухость, и тепло, – она проносится мимо крохотной квадратной лужайки с табличкой «Продается», едва заметив ее. Запыхавшись, вобрав голову в плечи, Карина останавливается на верхней ступени крыльца, нажимает кнопку звонка и ждет. Мокрые, теряющие чувствительность пальцы ломит от холода, и ей до боли хочется скорее избавиться от подношений и спрятать руки в уютных карманах пальто. Из домофона не доносится ни приветствия, ни просьбы представиться, и Карину без лишних церемоний пропускают в подъезд.

Поднявшись, она видит, что дверь в квартиру Ричарда приотворена. Стучит, открывает дверь чуть пошире, чтобы услышали внутри:

– Есть кто?

– Заходите! – выкрикивает кто-то из глубины квартиры. Голос мужской, но не Ричарда. – Еще минутка – и будем готовы.

Карина переступает порог, скидывает туфли и направляется в кухню, на место преступления. Там горит свет. Пахнет кофе. Кухонный остров и столешницы вытерты начисто и пусты, за исключением трех бокалов, наполненных до краев чем-то похожим на ванильный молочный коктейль, в каждом стоймя стоит длинная трубочка. Не слышно ни звука, никого не видно. Карина ставит вино и вареники на столешницу, снимает плащ и набрасывает его на один из высоких барных табуретов. Ждет, все сильнее испытывая неловкость, не зная, стоять или присесть. Может, имеет смысл поискать клочок бумаги и ручку, черкнуть записку и уйти?

Она рассеянно скользит взглядом в сторону гостиной и вдруг ошеломленно замирает. Инвалидное кресло. Инвалидное кресло, подобных которому она еще не видела. Отдельный подголовник и сиденье делают его похожим на стоматологическое. А две подножки с ремнями напоминают подставки для ног на гинекологическом. Шесть колес, амортизаторы и рычаг ручного управления. Ничего похожего на кресло для сломавших ногу. Оно выглядит футуристическим и варварским одновременно. С волос Карины стекает холодная дождевая вода, струйками сбегая по шее. Карина ежится.

Кресло стоит рядом с роялем Ричарда. Она бросает туда еще один взгляд: рояль кажется таким же чужим и устрашающим, как и кресло. По спине пробегает внутренний холодок, более пронизывающий, чем дождь. Откидная крышка опущена и скрывает клавиатуру. Пюпитр пуст. Банкетка задвинута под инструмент. Карина приближается к «Стейнвею» Ричарда так, будто вторгается в сакральное пространство, все еще не в состоянии воспринять умом абсурдность открывшейся перед ней картины. Медлит, набираясь смелости, а затем проводит указательным пальцем по крышке, стирая толстый слой пыли и оставляя улиточный след, обнажающий черное полированное покрытие.

– Привет!

Она оборачивается, сердце колотится так, словно она преступница, которую поймали с поличным. Ричард стоит за спиной лысого мужчины в очках с черной оправой.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.